

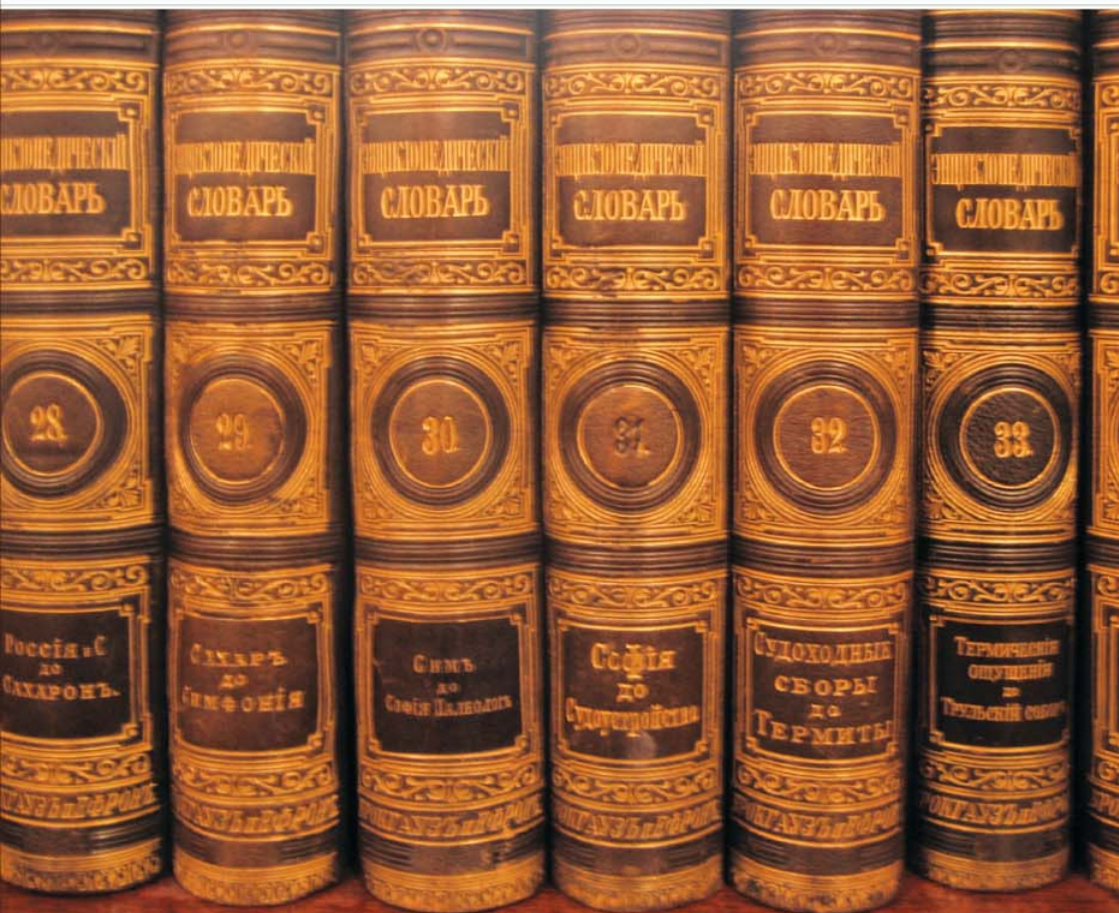

Национальный
исследовательский
Томский
государственный
университет

ISSN 2227-4200

Вопросы лексикографии

Russian Journal of Lexicography | № 38 2025

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2025

№ 38

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Н.А. Мишанкина (Томск, Россия) – главный редактор
Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – зам. главного редактора
С.С. Земичева (Москва, Россия) – отв. секретарь

В.Ю. Апресян
(Москва, Россия)
Н.Д. Голев
(Кемерово, Россия)
А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова
(Томск, Россия)
Н.В. Козловская
(Санкт-Петербург, Россия)
В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Мызников
(Москва, Россия)
А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде
(Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокорус
(Грац, Австрия)
Е.А. Юрина
(Москва, Россия)
И. Янышкова
(Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Natalya A. Mishankina (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson
Svetlana S. Zemicheva (Moscow, Russia) – Executive Editor
Valentina Yu. Apresyan
(Moscow, Russia)
Nikolai D. Golev
(Kemerovo, Russia)
Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova
(Tomsk, Russia)
Natalia V. Kozlovskaya
(Saint Petersburg, Russia)
Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)
Sergey A. Myznikov
(Moscow, Russia)
Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)
Olga V. Felde
(Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš
(Graz, Austria)
Yelena A. Yurina
(Moscow, Russia)
Ilona Janyšková
(Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт: <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

- Воронцов Р.И., Стукова Е.Г.** В поисках единицы эмпирической
базы большого академического толкового словаря: к вопросу
о субъективности и объективности словарного описания 5

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

- Боброва М.В.** О графических особенностях рукописных материалов
в связи с проблемами верификации данных диалектных словарей 29
- Романова Т.В., Колчина О.Н.** Лексикографическая интерпретация
терминов когнитивной лингвистики, функционирующих
в российском медиадискурсе 50

ЦИФРОВАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

- Кожухметова А.С., Казкенова А.К.** Мультиязычная база данных
«Эмоции в метафорическом представлении»: принципы создания
и возможности использования 71

СЛОВАРЬ И КОРПУС

- Мишанкина Н.А.** О жизни лексемы «формат» в русском языке:
лексикографическое описание vs корпусные данные 94

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

- Vorontsov R.I., Stukova E.G.** Searching for the empirical base unit of a great academic explanatory dictionary: On the subjectivity and objectivity of lexicographic description 5

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

- Bobrova M.V.** On the graphical features of handwritten materials in connection with data verification problems in dialect dictionaries 29
- Romanova T.V., Kolchina O.N.** Lexicographic interpretation of cognitive linguistics terms functioning in Russian media discourse 50

DIGITAL LEXICOGRAPHY

- Kozhakhmetova A.S., Kazkenova A.K.** "Emotions in Metaphorical Representation" multilingual database: Principles of development and usage opportunities 71

DICTIONARY AND CORPUS

- Mishankina N.A.** On the life of the lexeme "format" in the Russian language: Lexicographic description vs. corpus data 94

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ THEORY OF LEXICOGRAPHY

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/22274200/38/1

В поисках единицы эмпирической базы большого академического толкового словаря: к вопросу о субъективности и объективности словарного описания

Роман Игоревич Воронцов¹, Екатерина Григорьевна Стукова²

^{1, 2} *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *roman.vorontsov.86@gmail.com*

² *e.g.stukova@gmail.com*

Аннотация. В статье ставится проблема структуры эмпирической базы большого академического толкового словаря нормативно-исторического типа. Выделяется ряд единиц словарного корпуса (текст, контекст, цитата, предложение), различающихся с точки зрения словарных категорий объективности/субъективности: отражают ли они реальное словоупотребление или его интерпретацию писателем или лексикографом. Делается вывод о возможности создания трех связанных корпусов, основанных на различных единицах эмпирического материала.

Ключевые слова: большой академический толковый словарь, эмпирическая база словаря, единица словарного корпуса, текст, контекст, цитата, предложение, объективность, субъективность

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00070 «Эмпирическая база большого цифрового академического толкового словаря: разработка принципов формирования», <https://rscf.ru/project/25-28-00070/>.

Для цитирования: Воронцов Р.И., Стукова Е.Г. В поисках единицы эмпирической базы большого академического толкового словаря: к вопросу о субъективности и объективности словарного описания // Вопросы лексикографии. 2025. № 38. С. 5–28. doi: 10.17223/22274200/38/1

Original article

Searching for the empirical base unit of a great academic explanatory dictionary: On the subjectivity and objectivity of lexicographic description

Roman I. Vorontsov¹, Ekaterina G. Stukova²

^{1, 2} *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *roman.vorontsov.86@gmail.com*

² *e.g.stukova@gmail.com*

Abstract. The article discusses the problem of the structure of the empirical base (corpus) for a great academic explanatory dictionary of the Russian language associated with the normative-historic type. According to the lexicographic tradition, this dictionary will represent the lexical and stylistic systems of the Russian literary language of various historical periods ("from Pushkin up to now") taken in their dynamic correlation. The dictionary's empirical base will provide the lexicographer with trustworthy text material balanced against the genre, stylistic, and chronological differentiation; it will also propose a corpus toolset for investigation and presentation of language norms typical of every snapshot in the history of language described in the dictionary. To reach this aim, the authors identify a number of units of the future dictionary corpus (text, context, citation, lexicographer's example) which differ in terms of the lexicographic categories of objectivity/subjectivity: to what extent do these units correspond with the real language use and to what extent do they serve as its interpretation by the writer or lexicographer? Thus, *text* appears the most objective unit of the dictionary corpus though it stays syncrgetic in its functional specifics as well as subjective due to the impact of its author. Text might be opposed by *context* – a fragment of text characterized by discursive consistency and homogeneity. In its turn, the subjectivity of the lexicographer determines such units of the dictionary corpus as *citation* and *lexicographer's example*. However, the article proves that for a normative-historic dictionary this sort of material can be quite helpful as it allows to study the normative language use typical for the periods of the Russian language history when the synchronous explanatory dictionaries were being prepared. The linguistic consciousness of the lexicographer of the past, who selected a citation or created an example for his dictionary, will guarantee that this exact usage used to be typical and normative. Finally, the authors come to a practical conclusion that the empirical base of the future great

academic explanatory dictionary of the normative-historic type will consist of three interconnected corpora based on various units of language material. In spite of the difficulties in the creation of such corpora as well as their inevitable lacunarity, this kind of empirical base will certainly help to create a large-scale and authentic view of the normative language use referring to various periods in the history of the Russian literary language.

Keywords: great academic explanatory dictionary, empirical base of dictionary, unit of dictionary corpus, text, context, citation, lexicographer's example, objectivity, subjectivity

Acknowledgments. The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00070, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00070/>

For citation: Vorontsov, R.I. & Stukova, E.G. (2025) Searching for the empirical base unit of a great academic explanatory dictionary: On the subjectivity and objectivity of lexicographic description. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 38, pp. 5–28. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/38/1

Постановка проблемы

На протяжении всей истории мировой лексикографии толковый словарь являет собой феномен, детерминированный как объективными, так и субъективными факторами. С одной стороны, словарь всегда претендует на то, чтобы описать язык нации и тем самым отразить объективно существующую реальность – языковую систему и ее функционирование в речи. С другой стороны, он создается людьми, лексикографами, каждый из которых принадлежит культуре своей эпохи с ее представлениями о мироустройстве, идеологическими установками и эстетическими принципами, что неизбежно накладывает отпечаток на способ словарного описания. Категории субъективности и объективности составляют в лексикографии диалектическое единство, определяющее природу любого толкового словаря.

Значимость этих категорий для разных исторических периодов тем не менее оценивается по-разному. В раннюю пору развития толковой лексикографии (XVII–XVIII вв.), когда словари устанавливали нормы словоупотребления, опираясь на авторитет знатоков «изящного» языка (например членов Французской Академии), субъективные факторы доминировали. Но уже в XIX в., вместе с развитием исторического

языкознания и ростом внимания к эмпирическому материалу при изучении языка, роль объективной основы словаря существенно возрастает: именно к этому времени относится создание словарей-тезаурусов на основе больших картотек (см. [1]).

Достижения теоретической лексикографии XX в. обусловили повышение научных требований к составу и материалу словаря, заострив проблему «обоснованности» словарного описания, его «адекватности по отношению к реальности» [2. С. 194]. Словарная картотека теперь должна была не только служить богатым источником материала, но и «показать определенное состояние языка» [3. С. 15], стать эмпирической основой для создания его лексикографической модели. Состав картотеки напрямую увязывался с представлением об объекте нормативного толкового словаря как «моментальной фотографии» современного словоупотребления [4. С. 27].

Так вырабатывалось положение об источниках толкового словаря как о представительной выборке из генеральной совокупности текстов, чему способствовала все более тесная интеграция лексикографии и корпусной лингвистики. Благодаря развитию корпусов, определивших лингвистическую идеологию рубежа XX и XXI вв. [5] и подчеркнувших значимость объемного и структурированного эмпирического материала в лингвистических исследованиях, стало отчетливо ясно, что «обоснованность словаря» достигается именно за счет надежной эмпирической базы (словарного корпуса), демонстрирующей, а точнее *репрезентирующей* реальное речевое употребление. Особенно важным это оказалось для толковых словарей литературного языка, ориентированных не только на отражение лексической системы, но и, прежде всего, на описание ее функционирования в рамках «нормированного узуса» [6. С. 176].

Согласно теории Б.Ю. Городецкого, установить соотношение между словарным описанием и реальным употреблением языка «возможно лишь в том случае, если мы признаем, что объект моделирования в словаре – это всегда некоторый подъязык или комплекс подъязыков» [2. С. 194]. Таким комплексом подъязыков (функциональных стилей, жанров, модусов речи и т. п.) является и литературный язык в целом, выступающий в качестве объекта описания в толковом словаре.

А значит, идеальная словарная эмпирическая база должна быть репрезентативна в отношении всей его функциональной, коммуникативной и социальной дифференциации. Только так можно создать предпосылки для подлинно объективного словарного описания.

Тем не менее хорошо известно, что тексты, служащие источниками словаря (и особенно тексты художественной литературы, традиционно преобладающие в эмпирической базе нормативной толковой лексикографии), крайне разнородны с точки зрения представленных в них языковых разновидностей. Ср., например, предпринятый В.В. Виноградовым анализ языка Гоголя, показавший возможности чередования и гармоничного сочетания в одном тексте целого ряда «языковых стихий»: литературно-книжного языка, разговорной речи, просторечия (в том числе вулгарного), официально-делового стиля, множества областных и профессиональных диалектов [7. С. 271–330]. Так может ли быть по-настоящему объективной эмпирическая база, в которой различные «подязыки» представлены синкретично, нерасчлененно? Кажется, что нет. Тогда как обеспечить адекватную корреляцию между словарным корпусом и системой коммуникативных разновидностей литературного языка? Судя по всему, необходимо задуматься о дроблении текстов-источников на такие фрагменты, которые непротиворечиво отражали бы эти разновидности. И здесь возникает вопрос о единице такого дробления – *единице словарного корпуса*: может ли служить такой единицей целый *текст*, или его коммуникативно однородный фрагмент (*контекст*), или выбранная из текста *цитата*, или, наконец, сконструированное лексикографом типовое *речение*?

В поисках ответа на этот вопрос не будем, однако, забывать, что толковый словарь литературного языка – не бесстрастный регистратор языковых фактов, а продукт своей эпохи и своих составителей, что он обусловлен социокультурно и психологически, и, следовательно, имманентно субъективен. Субъективность словарного описания нередко становилась предметом рефлексии лексикографов, а тезис о том, что не существует словаря, свободного от идеологии своего времени, кажется, ни у кого не вызывает сомнений (см. хотя бы: [8–12]). Более того, даже текстовый материал, призванный обеспечивать объективность словарного описания, способен привнести в словарь субъ-

ективизм особого рода, а именно «субъективизм писателя», проецирующего на художественную речь свое индивидуальное мировосприятие [13. С. 156–157]. Задача повышения обоснованности словаря подразумевает поэтому не преодоление субъективности словарного описания, а ее «укрощение», рационализацию, попытку обнаружить в ней конструктивное начало, которое бы не только не мешало, но даже способствовало адекватному отражению языковой действительности в словаре.

Для этого, выделив потенциальные единицы словарной эмпирической базы, необходимо охарактеризовать их с точки зрения объективности/субъективности: в какой мере каждая из них соотносится с *реальным* словоупотреблением, а в какой – отражает *интерпретацию* этого словоупотребления тем или иным субъектом – автором, рассказчиком, персонажем литературного произведения, с одной стороны, и лексикографом, выборщиком цитат, составителем корпуса, с другой. Определение места каждой из выделенных единиц на шкале субъективности/объективности позволит впоследствии спрогнозировать сферы их оптимального применения в лексикографической практике.

Поводом для погружения в данную проблематику стали для нас размышления о концепции будущего большого цифрового академического толкового словаря русского языка нового времени («от Пушкина до наших дней») – преемника академической традиции создания многотомных толковых словарей (см. [14]). Согласно сложившимся теоретическим установкам, новый словарь будет относиться к нормативно-историческому типу, т.е. представит нормативные системы языка разных исторических периодов в их динамическом соотношении (см. [15. С. 57–58]). Выработка концепции такого словаря, самой своей природой предназначенного для того, чтобы занять центральное место в системе словарей национального языка, относится к числу наиболее актуальных проблем современной российской лексикографии. В последнее время уже был намечен возможный подход к ее решению и в том числе поставлена задача подготовки специального корпуса источников такого словаря – его эмпирической базы [15, 16].

Словарный корпус, соответствующий объекту описания в словаре литературного языка, будет отличаться от общезыкового корпуса

своей изначальной ориентацией на лексикографические задачи. Его состав и структура послужат объективной основой для принятия словарных решений. Сегодня ответственность за адекватность описания лексики целиком лежит на плечах лексикографа (что часто приводит к проявлениям волюнтаризма), однако в будущем, при условии создания качественных словарных корпусов, важная часть этой ответственности будет возложена на грамотно структурированную и глубоко аннотированную эмпирическую базу.

Таким образом, корпус источников большого академического нормативно-исторического словаря должен будет обеспечить лексикографа надежным текстовым материалом, сбалансированным с точки зрения жанрового, стилистического и хронологического расслоения, а также – предложить ему корпусный инструментарий для исследования и словарного представления языковых норм, характерных для каждого из описываемых синхронных срезов. Попытка поиска возможных решений для структурирования этой базы, составляющая новизну предпринятого нами исследования, на первом этапе носит преимущественно теоретико-методологический характер. Предлагаемой в данной статье концепции еще предстоит пройти проверку лексикографической практикой.

(Кон)текст – цитата – речение: единицы словарного корпуса между объективной реальностью и субъективной оценкой

Эмпирический языковой материал, которым оперируют современные лексикографы, составляющие нормативные толковые словари, представлен тремя видами единиц: это полные *тексты*, помещенные в исследуемый корпус, *цитаты*, выбранные из текстов и (или) использованные в предшествующих словарях, и *речения*, созданные авторами словарей разных эпох. Все эти три вида единиц в разной мере и в разном качестве соотносятся и с объективной языковой действительностью, отражаемой в словаре, и с субъективным взглядом на эту действительность, представленным сквозь призму сознания авторов текстов, выборщиков цитат и составителей словарей.

На первый взгляд, самой объективной единицей словарной эмпирической базы является *текст*, представляющий собой реальное ре-

ческое произведение, относящееся к определенному жанру и сфере функционирования языка. Однако на самом деле это справедливо лишь по отношению к тем типам текстов, в которых сведено к минимуму авторское начало: официально-деловым, техническим, юридическим, справочным и т. п. Ни один толковый словарь не может быть построен только на этом материале. Так, например, в корпусе Цифрового словаря немецкого языка (DWDS-Kernkorpus) подобные тексты сведены в группу «прочих нехудожественных», составляющую не более 20% всего объема [17. С. 30], а в Основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) – базовом источнике современной российской лексикографии – едва насчитывают 10% [18].

Основу любого общезыкового корпуса (в том числе словарного) составляют тексты иного рода, а именно тексты с выраженной авторской спецификой. Публицистические, рекламные, маркетинговые, эпистолярные, автобиографические и даже многие научные и научно-популярные тексты являются проекцией замысла и идиостиля автора, что приводит к смешению в них различных с функционально-стилистической точки зрения жанров и типов коммуникации: книжных, разговорных, высоких, низких, официальных, жаргонных и т. п.

Высшее проявление авторского начала и, как следствие, наибольший функционально-коммуникативный синкретизм обнаруживают себя в текстах художественной литературы. Признанные в качестве авторитетных и репрезентативных источников нормативной лексикографии, художественные тексты – в силу своей стилистической и нарратологической многослойности – часто уводят лексикографа от картины реальной языковой действительности в анфиладу ее субъективных отражений: авторская речь перемежается речью повествователя, диалогами и монологами персонажей, несобственно-прямой речью, цитируемыми письмами и документами и т. п. Каждый из этих элементов обладает собственными коммуникативными, социальными, функциональными, стилистическими, одним словом – дискурсивными характеристиками, высвечивающими в отрезке текста черты того или иного субъекта.

Является ли эта *субъективность* недостатком текста как единицы словарного корпуса? Безусловно, нет. Напротив, благодаря ей текст

оказывается источником, представляющим не одну, а множество *объективно* существующих норм выражения, и задачей лексикографа становится выявление этих норм и вычленение репрезентативных в их отношении текстовых фрагментов – *контекстов*, которые могут послужить материалом для точной квалификации (особенно стилистической) употребленного в их составе языкового средства. Важно, однако, иметь в виду, что задача фрагментации авторского текста не имеет простого решения. Ей противостоит спаянность литературно-художественной языковой ткани, предназначенной не для отражения общего употребления, а для индивидуализации, эстетизации речи [19. С. 92]. Диалектика нормативной лексикографии заключается именно в том, что мы каждый раз вынуждены отбирать общеупотребительное, объективное из суммы субъективного, индивидуального.

Так или иначе, *тексту* как синкретичной единице словарного корпуса должен быть противопоставлен *контекст* – текстовый фрагмент, обладающий дискурсивной цельностью и однородностью. Разработка принципов и процедур выделения таких контекстов является перспективной научной задачей, решение которой лежит на пересечении цифровой лексикографии, функциональной стилистики, корпусной лингвистики, лингвистики текста и теории дискурса. Методологическими опорами могут послужить здесь теория подъязыков Б.Ю. Городецкого [2], классификационная модель типов дискурса А.А. Кибрика [20], система регистров, жанров и стилей Д. Байбера и С. Конрад [21] и другие исследования. Учесть эстетическую специфику художественного текста, вероятно, позволит основанная на понятии *нормы контекста* (Б.А. Ларин) методика выделения нейтральных, авторских и промежуточных контекстов как единиц эмпирической базы нормативного словаря, предложенная Т.И. Гайкович [22]. Отдельного внимания заслуживает опыт создания глубоко аннотированной части Мультимедийного подкорпуса НКРЯ, в которой извлекаемые из общего видеоряда «кликсты» (клип + текст) маркируются по целому ряду коммуникативных параметров [23].

Однако не только перспективные исследования, но и традиционная практика компиляции словарных эмпирических баз может оказаться полезной для будущего словарного корпуса. Если верно, что

советское языкознание «виноградовской школы», ориентированное на скрупулезный анализ совокупности литературных текстов, во многом напоминает «стихийную» корпусную лингвистику [5. С. 13], то и академическая словарная картотека, планомерно пополнявшаяся на протяжении целого столетия, есть аналог словарного корпуса, в котором тексты разобраны на законченные фрагменты – *цитаты*. В самом деле, что же такое картотечная цитата, как не отобранный по ряду *лексикографических* оснований контекст? Важно, тем не менее, учесть некоторые нюансы.

Методическое сопровождение лексико-фразеологических выборок для Большой словарной картотеки было представлено в XX в. целым рядом установочных документов, первый из которых датируется 1936 г. [24–26] и др. Все эти инструкции исходили из того, что «основным объектом словаря, а следовательно, и картотеки» является слово в его семантической, грамматической, орфографической и стилистической ипостасях [26. С. 130]; контекстам же, выписываемым на карточки, отводилась второстепенная роль: служить «оправдательными примерами и подтвердительными цитатами» [25. С. 6]. *Словоцентричность* картотеки, обеспечивавшая ей, по сути, единственно возможный в доцифровую эру способ существования и развития, приводила, однако, к тому, что собранный материал не был в полной мере репрезентативен в отношении реального функционирования литературного языка в его дискурсивном разнообразии. Глубинное противоречие традиционной словарной картотеки состояло в том, что, будучи совокупностью языкового материала, которая должна позволить лексикографу *индуктивным* путем вырабатывать словарные решения, сама она формировалась с использованием *дедуктивной* методики: не слово получало характеристику на основании анализа достаточного числа контекстов, а контекст отбирался для подтверждения заранее установленной характеристики слова.

Чтобы убедиться в этом, достаточно изучить рекомендации по выборке отрезков текста, предлагаемые в лучшем из картотечных пособий [25]. Важнейшим критерием выборки в нем декларируется «смысловая ясность и стилистическая отчетливость того слова, ради которого выписывается цитата» [25. С. 12], иными словами, цитата

должна, во-первых, точно диагностировать семантику слова, а во-вторых, подтвердить сферу и особенности его употребления. Если выявление значения слова по его контекстному окружению было целесообразным и даже прогрессивным для языкознания середины XX в. методом, то для функционально-стилистической выборки инструкции не давали почти никакого инструментария.

Отчасти функциональная сфера учитывалась в ходе *частичной* выборки, при которой тип выписываемой единицы иногда увязывался с тематической и (или) стилистической спецификой текста: из произведений романов следовало выбирать лексику описываемых профессий, из научно-популярной литературы – лексику соответствующих отраслей науки, из поэзии – образно-метафорические употребления, из деловых текстов – употребительную официально-деловую лексику и т. д. [25. С. 8–25]. Однако для всех прочих текстов (составлявших большинство) инструкции носили весьма общий характер. Выборщикам предписывалось регистрировать «употребления разговорных, просторечных, жаргонных, местных, устарелых, редких и специальных слов» [25. С. 14], но не приводились основания, которые мог предоставить контекст для отнесения этих слов к стилистическим разрядам. Получалось, что выборщик должен был сам установить характеристику встретившегося слова и на основе этого априорного умозаключения принять решение о выписке показательного контекста. Ср. ряд образцов выборки:

(1) Мальчик бережет на память отцовский *моряцкий* пояс. (А. Барто. О литературе для детей) – Слово живой непринужденной речи. [25. С. 14]

(2) Приехали мы сюда не *дикарями*, а как честные члены профсоюза... *горели* ясным огнем две путевки, и мы на это дело *кутились*... (В. Чивилихин. Над уровнем моря) – Слова *дикари* и *гореть* в отмеченных значениях из просторечия; слово *купиться* – жаргонное. [25. С. 15]

(3) Всем просящим он [князь] давал не столько из доброты или доверия к людям, сколько из напускного джентльменства: возьми, мол, и чувствуй мою *комильфотность*! (А. Чехов. Пустой случай) – Слово редкое. [25. С. 14]

Эти примеры, приводимые в общем перечне, совершенно различны с точки зрения обоснованности выводов об употребленных в них словах. Контекст (1) представляет собой цитату из доклада А. Барто на съезде писателей, текст написан книжно-письменным языком и не

дает никаких оснований для того, чтобы охарактеризовать слово *моряцкий* как разговорное. Неслучайно поэтому, что словари при описании данного слова отдают предпочтение другим цитатам, действительно относящимся к живой непринужденной речи (см. [27. Т. VI. С. 1284; 28. Т. II. С. 302]). Контекст (2) выбран из отрывка повести В. Чивилихина, целиком написанного сниженным разговорно-просторечным стилем от имени одного из персонажей, что позволяет соответственно охарактеризовать употребляющиеся в нем слова, хотя и остается неясным, как по одному этому контексту различить просторечное и жаргонное. И наконец, цитата (3) – это тот случай, когда контекст действительно служит надежным основанием для функционально-стилистической характеристики слова: дискурсивный маркер *мол* свидетельствует о переходе от литературной авторской речи к сниженной речи персонажа – «захудалого русского князька», что и отражено в словарных толкованиях: *комильфотность* – ‘в дворянском жаргоне – свойство комильфотного’, *комильфотный* – ‘в дворянском жаргоне – соответствующий нормам светского приличия’ [27. Т. V. С. 1233]. Подчеркнем, что пример (3) иллюстрирует выборку, основанную на единственном объективном критерии, предлагаемом инструкцией: «Рекомендуется выбирать слова и словосочетания, так или иначе оговоренные при употреблении, сопровождающиеся вводными словами <...> или заключенные в кавычки» [25. С. 17].

Так, анализ инструкций по выборке цитат для словарной картотеки приводит нас к мысли о «парадоксе выборщика», состоящем в том, что человек, чьей задачей было формирование «сырой» контекстной базы для последующей выработки на ее основе профессиональных словарных решений, вынужден был сам принимать подобные решения применительно к каждому контексту, руководствуясь почти исключительно личными знаниями и языковым чутьем. При этом если в более поздних инструкциях апелляция к языковому чутью только подразумевалась, то в инструкции 1936 г. о ней сказано прямо: при выборке литературных цитат «гораздо больше места отводится свободному выбору и многое зависит от языкового чутья выборщика» [24. С. 11].

Таким образом, *картотечная* цитата, являющаяся фрагментом реального речевого произведения и поэтому до некоторой степени обладающая свойством объективности, по преимуществу все же обусловлена личностью выборщика, его квалификацией, добросовестностью, языковым вкусом, общественными установками эпохи и т. п. Любая же *словарная* цитата (взятая из картотеки и помещенная в иллюстративную зону словарной статьи) субъективна вдвойне: субъективизм выборщика удваивается субъективизмом лексикографа, выбравшего именно эту цитату, чтобы на ее примере показать нормативное словопотребление того или иного исторического момента.

Тем не менее, подобно авторской субъективности текста, способствующей (при должном подходе) раскрытию объективной природы функционирования языка, лексикографическая субъективность словарной цитаты также может послужить целям описания объективной языковой действительности. Личность лексикографа выступает в качестве фильтра, пропускающего в словарь те элементы окружающего речевого многообразия, которые отражают языковую норму и идеологию эпохи [29. С. 95]. Наиболее ярко это проявляется в словарях нормативно-стилистического типа, описывающих современное им словопотребление и не преследующих исторических задач: в «Словаре Академии Российской», «Словаре русского языка» Я.К. Грота, «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, «Академическом толковом словаре русского языка» под ред. Л.П. Крысина. Целью таких словарей является системное описание действующей нормы, для подтверждения которой привлекаются соответствующие ей цитаты как из современных источников, так и из более ранних текстов, которые тем не менее определяют норму данного синхронного среза (см. [4. С. 27]).

Из этого следует, что совокупность цитат, выбранных из картотеки и включенных лексикографами в нормативные словари синхронного типа, может составить корпус материала, показательный в отношении языковых норм, действовавших не столько в периоды создания процитированных текстов, сколько в периоды создания самих этих словарей. Субъективность цитаты, обусловленная личностью лексикографа, отобравшего ее для своего словаря, будет выступать гарантией ее

соответствия реальному словоупотреблению эпохи. Представляется, что такой корпус может оказать неоценимую услугу в деле разработки нормативно-исторического толкового словаря, ориентированного на описание последовательной смены норм литературного языка на протяжении длительного временного отрезка. Но едва ли не большую пользу может принести корпус словарных *речений* – единиц, отличающихся в плане отражения реального функционирования языка наивысшим уровнем единства объективного и субъективного.

Речение – это типовой контекст, демонстрирующий сочетаемостные свойства слова и до некоторой степени раскрывающий его семантику. Идеальное речение не выдумывается составителем словаря, а конструируется на основе множества реальных контекстов, т. е. представляет собой продукт анализа, направляемого корпусом (*corpus-driven analysis*). Однако такой подход не всегда был возможен: как на ранних этапах развития лексикографии, когда она еще не обладала достаточной эмпирической базой, так и в XX в. речения нередко создавались лексикографами искусственно. Хорошо известна, в частности, острая критика 4 тома «Словаря современного русского литературного языка» [27], содержавшего речения вроде «дачники заблаженствовались», «ягненок загрызается волком» и т. п. (см. [30]).

Но даже если не принимать во внимание подобные неудачные образцы, следует признать, что словарное речение обладает двоякой природой: призванное отражать типовое словоупотребление, оно тем не менее является авторским, так как создается конкретным носителем языка. Именно поэтому, по наблюдениям французского лексикографа А. Рея, речение, в отличие от цитаты, отражает не отдельное употребление лексической единицы, а ее узуальную языковую потенцию, извлеченную из языковой способности лексикографа [29. С. 108]. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что прежде всего через речения, даже вполне соответствующие корпусным данным, в текст словаря проникают «идеологии и оценки», характерные для времени его создания [29. С. 113]. Во французской словарной традиции эта идея настолько ясно осознается, что даже получила литературно-художественное отражение: в романе Р. Жорифа «Le navire Argo» (1987) речения словаря Литтре (и даже включенные в него цитаты) осмысле-

ны в качестве корпуса, репрезентирующего личность и мировоззрение лексикографа как представителя своей эпохи [31. С. 149–150]. По нашему убеждению, такой взгляд вполне соответствует истине, ибо совокупность словарных речений – это всегда некоторая субъективная *интерпретация* объективной языковой и социокультурной действительности.

В российской науке «интерпретационный» характер «контекстологии» словаря подчеркивала С.Г. Ильенко, подразумевая, что речения должны не только иллюстрировать употребление слова, но и раскрывать «содержательно-стилистическую и коннотативную среду его бытования» [32. С. 619]. Этот принцип, в разной степени реализованный словарями прошлого, нашел наиболее полное воплощение в проекте синхронного «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г.Н. Складервской, согласно которому речения (единственный тип иллюстраций) предназначаются для показа «живого реального функционирования слова» [33. С. 100]. Обширные и разнообразные ряды речений, приводимые к каждой описываемой в этом словаре единице, позволяют отчасти представить те или иные фрагменты картины мира современников, отраженные в зеркале языка:

перейти <...> **11.** <...> П. на передовые методы. П. на высокоскоростные технологии. П. на растительную пищу. П. на шестидневный режим работы. Учреждение переходит на новые тарифные ставки. Банк перейдет на расчеты в рублях. Фабрика перешла на выпуск безотходной продукции. Передавая секретные данные, агент перешел на язык кодов. <...> [33. С. 101].

Безусловно, не каждое речение представляет собой типовой контекст употребления слова: чем оно длиннее, чем более развернутой структурой оно обладает, тем сильнее проявляется в нем личность его составителя. Большой типичностью и объективностью характеризуются краткие контексты, как правило, равные словосочетанию, что подтверждается, в том числе, данными экспериментальной лингвистики. Так, исследование О.А. Митрофановой и С.А. Крылова, проведенное на материале речений «Словаря русского языка» С.И. Ожегова в их сопоставлении с полнотекстовым корпусом, доказало принципиальную совместимость корпуса словарных речений и корпуса реальных текстов, причем первый был интерпретирован как «метаописание» по отношению ко второму, «сходное с ним по качественному на-

полнению, но отличающееся компактностью, гибкостью и удобством в обращении» [34. С. 387].

Таким образом, речи, составленные лексикографами разных эпох, равно как и литературные цитаты, отобранные ими для нормативных толковых словарей синхронного типа, представляют собой ценный эмпирический источник, который может способствовать реконструкции общего нормативного словоупотребления разных исторических периодов. Прямое соотнесение субъективного языкового материала с объективным состоянием языковой нормы оказывается возможным благодаря взаимообусловленности общей системы языка и языковой способности индивида. Напомним, что, согласно учению Л.В. Щербы, «языковая система <...> есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в *индивидуальных речевых системах*, возникающих под <его> влиянием (курсив наш. – *Р.В., Е.С.*)» [35. С. 28]. Для словаря это означает, что «индивидуальная речевая система» лексикографа, создавшего или отобравшего тот или иной контекст, как раз и выступает в качестве посредника между общим и индивидуальным, между объективным и субъективным.

Продолжая апеллировать к Л.В. Щербе, можно заметить, что, в сущности, любой словарный пример есть продукт лингвистического эксперимента [35. С. 31–32], в ходе которого лексикограф, опираясь на объективно данный языковой материал (*тексты*), формирует представление о том или ином системном факте языка и затем, проверяя его на других фактах, или отбирает показательный контекст (*цитата*), или создает новый контекст, иллюстрирующий обнаруженную закономерность (*речение*). Текст, цитата и речение составляют, таким образом, триаду взаимодополняющих единиц словарного корпуса, каждая из которых по-своему соотносится с объективной и субъективной сторонами функционирования языка и может быть использована как материал для нормативно-исторического словаря сообразно своей природе.

Предварительные выводы

При формировании эмпирической базы толкового словаря, нацеленного на системное отражение последовательной смены литератур-

но-языковых норм в течение длительного исторического отрезка [15. С. 58], принципиально важно понимать двоякую сущность включаемого в словарный корпус языкового материала. Прежде всего, этот материал *выражает* объективно действующую на определенном синхронном срезе норму, но в то же время он *оказывает влияние* на становление этой нормы и ее субъективное осознание членами языкового коллектива (в данный момент или в будущем). В первом случае словарному корпусу обеспечивается свойство *репрезентативности*, во втором – свойство *авторитетности*.

Репрезентативность корпуса нормативного словаря подразумевает, что он может достоверно представлять литературный язык в его функциональной, коммуникативной и социальной дифференциации, характерной для данного исторического периода. Авторитетность, в свою очередь, свидетельствует о том, что корпус может служить основанием для выявления языкового материала, значимого с точки зрения формирования нормы описываемого периода.

В первом случае оптимальной единицей словарного корпуса является дискурсивно однородный контекст, иногда равный целому тексту, но, как правило, являющийся текстовым фрагментом, представляющим ту или иную функциональную разновидность литературного языка. Во втором случае значим не любой контекст, а лишь тот, который был одобрен представителем языкового коллектива и признан им релевантным с точки зрения влияния на норму данного периода. Таким авторитетным представителем может быть признан лексикограф прошлого, рефлексировавший о состоянии литературного языка своего времени и в результате принимавший решения об отборе языкового материала для своего словаря. С этой точки зрения ценный эмпирический материал может предоставить в наше распоряжение лексикографическая традиция: важны не столько сами тексты, использовавшиеся в качестве словарных источников, сколько цитаты, отобранные из них составителями нормативных словарей синхронного типа, а еще более – созданные ими речения.

Мы, безусловно, отдаем себе отчет в том, что сформировать словарный корпус, в полной мере удовлетворяющий требованиям репрезентативности и авторитетности в изложенном понимании, крайне за-

труднительно. Основными проблемами видятся, во-первых, неизбежная лакуарность любого, даже самого полного корпуса словарных цитат и речений, а во-вторых, объективная сложность фрагментации текстов (особенно художественных) и отсутствие разработанных для этого методов и процедур (можем только выразить надежду на помощь таких технологий, как векторно-семантический анализ и применение нейросетевых алгоритмов).

Тем не менее мы убеждены, что показательная эмпирическая база для большого академического нормативно-исторического толкового словаря может быть основана только на единстве объективного и субъективного факторов, проявляющемся в балансе критериев репрезентативности и авторитетности словарного корпуса. В соответствии с этим представлением, эмпирическая база словаря может быть представлена тремя взаимосвязанными корпусами: 1) глубоко аннотированным полнотекстовым корпусом с возможностью выделения дискурсивно однородных фрагментов текста, 2) корпусом цитат, извлеченных из нормативно-стилистических словарей синхронного типа, относящихся к разным периодам истории языка, и 3) корпусом словарных речений, полученных из всех авторитетных словарей литературного языка за период, описываемый словарем.

Список источников

1. *Воронцов Р.И., Приемьшева М.Н.* Русская академическая толковая лексикография в контексте европейской словарной традиции: формирование лексикографических принципов нормативности и историзма // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83, № 5. С. 5–24.
2. *Городецкий Б.Ю.* Лексикография и теория подъязыков // Словарные категории. М. : Наука, 1988. С. 194–202.
3. *Котелова Н.З.* Текстовые лексико-фразеологические материалы как лингвистический источник // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб. : Наука, 1995. С. 11–18.
4. *Сорокин Ю.С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 22–32.
5. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.

6. Мустайоки А. О предмете и цели лингвистических исследований // Язык: система и функционирование. М. : Наука, 1988. С. 170–181.
7. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М. : Наука, 1990. 388 с.
8. Уваров В.Д. Субъективное и объективное в словаре (Из опыта итальянской лексикографии) // Переводная и учебная лексикография / сост. В.Д. Уваров. М. : Рус. яз., 1979. С. 43–52.
9. Герд А.С. Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие / отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 948–954.
10. Голубева-Монаткина Н.И. Идеологический компонент в словарных дефинициях (на материале современных французских толковых словарей) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76, № 1. С. 55–59.
11. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном словаре // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 204–215.
12. Пестова А.Р. Стилистические пометы в словаре как зеркало эпохи // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2025. № 3. С. 265–275.
13. Горбачевич К.С. Словарь литературного языка и язык художественной литературы // Словарные категории. М. : Наука, 1988. С. 155–161.
14. Пурицкая Е.В. От «Словаря современного русского литературного языка» до «Большого академического словаря русского языка» // История, теория и практика академической лексикографии: юбилейный сборник научных статей / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. С. 83–94.
15. Воронцов Р.И. Большой академический словарь русского языка: перспективы электронной реализации // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 3. С. 56–68.
16. Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27.
17. Geyken A. The DWDS corpus: A reference corpus for the German language of the 20th century // Collocations and idioms. London : Continuum Press, 2007. P. 23–42.
18. Национальный корпус русского языка. Основной корпус. Статистика. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/main/stats?search=ChEqCEoGc3BoZXJlMgIIAToBBQ==> (дата обращения: 27.06.2025).
19. Складневская Г.Н. Категория образности и толковый словарь литературного языка // Советская лексикография. М. : Рус. яз., 1988. С. 88–100.

20. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
21. Biber D., Conrad S. Register, genre, and style. New York : Cambridge University Press, 2009. 344 p.
22. Гайкович Т.И. Материалы словаря М. Горького в аспекте общей лексикографии // Словоупотребление и стиль М. Горького. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1982. С. 88–100.
23. Гришина Е.А. Мультимодальный модуль в составе Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 3 (6). С. 65–87.
24. Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков / сост. Е.С. Истрина, И.А. Фалев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 39 с.
25. Разработка лексики и фразеологии современного русского литературного языка. Пособие по выборкам / сост. А.М. Бабкин. Л. : Наука, 1972. 68 с.
26. Систематизация материалов словарных картотек (пособие для работников картотек) // Вопросы практической лексикографии / отв. ред. Р.П. Рогожникова. Л.: Наука, 1979. С. 129–148.
27. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев и др. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
28. Словарь русского языка: В 4 тт. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1981–1984.
29. Rey A. Du discours au discours par l'usage: pour une problématique de l'exemple // Langue française. 1995. No. 106. P. 95–120.
30. Евгеньева А.П. О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого Словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 2. М. : ОГИЗ, 1957. С. 167–177.
31. Bernier G. Review of [Richard Jorif, Le navire Argo; roman. Paris : Éditions François Bourin, 1987. 289 p.] // Documentation et bibliothèques. 2000. No. 46 (3). P. 149–150.
32. Ильенко С.Г. Русистика : избр. тр. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 674 с.
33. Словарь русского языка XXI века. Проект / под ред. Г.Н. Складневской. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 144 с.
34. Митрофанова О.А., Крылов С.А. «Типовой» контекст: случайность или закономерность? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006». М. : Изд-во РГГУ, 2006. С. 382–388.
35. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.

References

1. Vorontsov, R.I. & Priemysheva, M.N. (2024) Russkaya akademicheskaya tolkovaya leksikografiya v kontekste evropeyskoy slovarnoy traditsii: formirovanie leksikograficheskikh printsiptov normativnosti i istorizma [Russian academic explanatory lexicography in the context of the European dictionary tradition: the formation of lexicographic principles of normativity and historicism]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 83 (5). pp. 5–24.
2. Gorodetskiy, B.Yu. (1988) Leksikografiya i teoriya pod"yazykov [Lexicography and the theory of sublanguages]. In: *Slovarnye kategorii* [Dictionary Categories]. Moscow: Nauka. pp. 194–202.
3. Kotelova, N.Z. (1995) Tekstovye leksiko-frazeologicheskie materialy kak lingvisticheskiy istochnik [Textual lexical and phraseological materials as a linguistic source]. In: *Natsional'nye leksiko-frazeologicheskie fondy* [National Lexical and Phraseological Funds]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 11–18.
4. Sorokin, Yu.S. (1967) O normativno-stilisticheskom slovare sovremennogo russkogo yazyka [On the normative-stylistic dictionary of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaviya*. 5. pp. 22–32.
5. Plungyan, V.A. (2008) Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [The corpus as a tool and as an ideology: on some lessons of modern corpus linguistics]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 16 (2). pp. 7–20.
6. Mustayoki, A. (1988) O predmete i tseli lingvisticheskikh issledovaniy [On the subject and aim of linguistic research]. In: *Yazyk: sistema i funktsionirovanie* [Language: System and Functioning]. Moscow: Nauka. pp. 170–181.
7. Vinogradov, V.V. (1990) *Izbrannye trudy. Yazyk i stil' russkikh pisateley. Ot Karamzina do Gogolya* [Selected Works. The Language and Style of Russian Writers. From Karamzin to Gogol]. Moscow: Nauka.
8. Uvarov, V.D. (1979) Sub"ektivnoe i ob"ektivnoe v slovare (Iz opyta ital'yanskoy leksikografii) [The subjective and the objective in a dictionary (From the experience of Italian lexicography)]. In: Uvarov, V.D. (comp.) *Perevodnaya i uchebnaya leksikografiya* [Translation and Educational Lexicography]. Moscow: Russkiy yazyk. pp. 43–52.
9. Gerd, A.S. (2015) Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka kak slovar'-tezaurus [The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a dictionary-thesaurus]. In: Krylova, O.N. & Priemysheva, M.N. (eds) *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A.A. Shakhmatov: Life, Work, Scientific Legacy]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 948–954.
10. Golubeva-Monatkina, N.I. (2017) Ideologicheskii komponent v slovarnykh definitsiyakh (na materiale sovremennykh frantsuzskikh tolkovykh slovarey) [The ideological component in dictionary definitions (based on modern French

- explanatory dictionaries)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 76 (1). pp. 55–59.
11. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2020) Protsessy ideologizatsii i deideologizatsii v russkom religioznom slovare [Processes of ideologization and de-ideologization in the Russian religious dictionary]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 3. pp. 204–215.
 12. Pestova, A.R. (2025) Stilisticheskie pomety v slovare kak zerkalo epokhi [Stylistic labels in the dictionary as a mirror of the era]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 3. pp. 265–275.
 13. Gorbachevich, K.S. (1988) Slovar' literaturnogo yazyka i yazyk khudozhestvennoy literatury [The dictionary of the literary language and the language of fiction]. In: *Slovarnye kategorii* [Dictionary Categories]. Moscow: Nauka. pp. 155–161.
 14. Puritskaya, E.V. (2022) Ot "Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" do "Bol'shogo akademicheskogo slovara russkogo yazyka" [From the "Dictionary of the Modern Russian Literary Language" to the "Great Academic Dictionary of the Russian Language"]. In: Priemysheva, M.N. (ed.) *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoy leksikografii: yubileyny sbornik nauchnykh statey* [History, Theory and Practice of Academic Lexicography: Anniversary Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg: ILI RAN. pp. 83–94.
 15. Vorontsov, R.I. (2024) Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka: perspektivy elektronnoy realizatsii [The Great Academic Dictionary of the Russian Language: prospects for electronic implementation]. *Filologicheskii klass*. 29 (3). pp. 56–68.
 16. Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N. & Puritskaya, E.V. (2023) Principles of normativity and historicism in Russian academic lexicography: The great explanatory dictionary type re-examined. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/1
 17. Geyken, A. (2007) The DWDS corpus: A reference corpus for the German language of the 20th century. In: *Collocations and idioms*. London: Continuum Press. pp. 23–42.
 18. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. [Russian National Corpus]. (2025) *Osnovnoy korpus. Statistika* [Main corpus. Statistics]. [Online]. Available from: <https://ruscorpora.ru/corpus/main/stats?search=ChEqCEoGc3BoZXJlMgIIAToBBQ==> (Accessed: 27.06.2025).
 19. Sklyarevskaya, G.N. (1988) Kategoriya obraznosti i tolkovyy slovar' literaturnogo yazyka [The category of imagery and the explanatory dictionary of the literary language]. In: *Sovetskaya leksikografiya* [Soviet Lexicography]. Moscow: Russkii yazyk. pp. 88–100.
 20. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–21.

21. Biber, D. & Conrad, S. (2009) *Register, genre, and style*. New York: Cambridge University Press.
22. Gaykovich, T.I. (1982) Materialy slovarya M. Gor'kogo v aspekte obshchey leksikografii [Materials of M. Gorky's dictionary in the aspect of general lexicography]. In: *Slovoupotreblenie i stil' M. Gor'kogo* [Word Usage and Style of M. Gorky]. Saratov: Saratov State University. pp. 88–100.
23. Grishina, E.A. (2015) Mul'timodal'nyy modul' v sostave Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka [The multimodal module as part of the Russian National Corpus]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 6 (3). pp. 65–87.
24. Istrina, E.S. & Falev, I.A. (comp.) (1936) *Slovar' russkogo yazyka. Instruktsiya dlya vyborshchikov* [Dictionary of the Russian Language. Instructions for Compilers]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
25. Babkin, A.M. (comp.) (1972) *Razrabotka leksiki i frazeologii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Posobie po vyborkam* [Development of the Vocabulary and Phraseology of the Modern Russian Literary Language. A Manual for Excerpting]. Leningrad: Nauka.
26. Rogozhnikova, R.P. (ed.) (1979) Sistematizatsiya materialov slovarnykh kartotek (posobie dlya rabotnikov kartotek) [Systematization of dictionary card file materials (a manual for card file workers)]. In: *Voprosy prakticheskoy leksikografii* [Issues of Practical Lexicography]. Leningrad: Nauka. pp. 129–148.
27. Chernyshev, V.I. et al. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. 17 vols. Moscow; Leningrad: USSR AS.
28. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 4 vols. Moscow: Russkiy yazyk.
29. Rey, A. (1995) Du discours au discours par l'usage: pour une problématique de l'exemple. *Langue française*. 106. pp. 95–120.
30. Evgen'eva, A.P. (1957) O nekotorykh leksikograficheskikh voprosakh, svyazannykh s izdaniem bol'shogo Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka AN SSSR [On some lexicographic issues related to the publication of the large Dictionary of the Modern Russian Literary Language of the USSR Academy of Sciences]. In: *Leksikograficheskiy sbornik* [Lexicographic Collection]. 2. Moscow: OGIZ. pp. 167–177.
31. Bernier, G. (2000) Review of [Richard Jorif, *Le navire Argo; roman*. Paris: Éditions François Bourin, 1987. 289 p.]. *Documentation et bibliothèques*. 46 (3). pp. 149–150.
32. Il'enko, S.G. (2003) *Rusistika: izbr. tr.* [Russian Studies: Selected Works]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
33. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2019) *Slovar' russkogo yazyka XXI veka. Proekt* [Dictionary of the Russian Language of the 21st Century. A Project]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

34. Mitrofanova, O.A. & Krylov, S.A. (2006) ["Typical" context: coincidence or pattern?]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2006"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2006"]. Moscow: RSUH. pp. 382–388. (In Russian).
35. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad: Nauka.

Сведения об авторах:

Воронцов Роман Игоревич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com.

Стукова Екатерина Григорьевна – младший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: e.g.stukova@gmail.com.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Roman I. Vorontsov, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Ekaterina G. Stukova, junior research fellow, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.g.stukova@gmail.com.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2025;
одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 11.11.2025*

*The article was submitted 01.07.2025;
approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 11.11.2025*

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья

УДК 811.161.1'28

doi: 10.17223/22274200/38/2

О графических особенностях рукописных материалов в связи с проблемами верификации данных диалектных словарей

Мария Владимировна Боброва¹

¹ *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
bomaripgu@yandex.ru*

Аннотация. В связи с проблемами верификации данных диалектных словарей рассмотрены некоторые принципы работы с рукописными материалами, способствующие достоверности графической репрезентации вокабул в словарях: обозначены графологические подходы к интерпретации графем; обобщены наблюдения о неразличении и переразложении рукописных вариантов графем; представлены ряды нейтрализуемых букв и сочетаний букв. Сделаны выводы о способах предупреждения ошибок при идентификации слова по рукописным материалам.

Ключевые слова: диалектная лексикография, рукописные материалы, верификация, графологический анализ, графические ошибки, нейтрализация графем, переразложение графем

Благодарности. Автор искренне благодарит анонимных рецензентов за важные замечания и рекомендации.

Для цитирования: Боброва М.В. О графических особенностях рукописных материалов в связи с проблемами верификации данных диалектных словарей // Вопросы лексикографии. 2025. № 38. С. 29–49. doi: 10.17223/22274200/38/2

Original article

On the graphical features of handwritten materials in connection with data verification problems in dialect dictionaries

Maria V. Bobrova¹

¹ *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation, bomaripgu@yandex.ru*

Abstract. In light of data verification challenges in dialect dictionaries, this article examines several principles for working with handwritten materials that contribute to the accuracy of the graphical representation of lexical entries in dictionary publications. It outlines graphological approaches designed to facilitate the reading of handwritten texts in archival and card index collections. Drawing on graphonomic theory, a classification of handwriting features significant for grapheme identification is presented. This classification accounts for both general and specific characteristics, such as typical movement forms, handwriting speed, degree of grapheme connectivity, structural complexity of graphemes, movement form, element length, and others. Using concrete examples, the application of this classification for systematizing error types in determining the graphical form of words is demonstrated. Observations on handwritten variants of graphic signs are summarized, highlighting how the misidentification or faulty decomposition of their elements leads to errors in representing lexical entries in dialect dictionaries. Phenomena such as the uniform execution of typical strokes when writing heterogeneous graphic elements (graphemes), complexified and simplified spellings of similar letterforms, individual peculiarities in writing specific letters, the degree of connectivity between letter elements, and the conflation of letter and non-letter graphic elements are illustrated. Errors made by compilers of dialect card files are specifically noted. These theoretical foundations and observations are linked to V. V. Shapoval's term, "position of letter neutralization". As a result of synthesizing the author's and predecessors' lexicographic experience, sets of letters and letter combinations most frequently subject to neutralization during reading are presented. For ease of use, these sets are organized in an alphabetized register and subdivided into groups based on the number of neutralized graphemes. Current methods for preventing errors in word identification from handwritten materials are discussed. Using a single dialect word as a case study, the article demonstrates the considerable complications lexicographers face when the accuracy of a record

is suspect, necessitating additional research and deeper etymological analysis of the unit in question. It substantiates the possibility of an erroneous lexical entry: *tsepushka* (the wall of the Russian oven), presented in one regional dictionary, potentially being a misrepresentation of *tselushka* (one of the two vaulted holes in the front wall and the wall of the furnace, between which the smoke from the furnace passes into the chimney). Conclusions are drawn regarding the high degree of responsibility borne by dialect lexicographers and the critical importance of "graphical vigilance" in their work.

Keywords: dialect lexicography, handwritten materials, vocabulary identification, verification, graphical errors, grapheme neutralization, grapheme decomposition

Acknowledgments. I would like to thank the anonymous reviewers for their important comments and recommendations.

For citation: Bobrova, M.V. (2025) On the graphical features of handwritten materials in connection with data verification problems in dialect dictionaries. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 38, pp. 29–49. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/38/2

Введение

Вслед за рядом предшественников мы обратились к проблемам достоверности данных диалектных словарей. Как справедливо отмечал И.Г. Добродомов, «составление диалектных словарей обычно сопряжено с целым рядом трудностей, которые лексикографами не всегда удачно преодолеваются, поэтому вполне закономерны претензии критики к надежности словарного материала...» [1. С. 183]. Справедливый негативный отзыв лингвистов нередко вызывают ошибочные фиксации не существующих в реальности лексем, в отношении которых использовались многочисленные обозначения. Наиболее употребительным в этом ряду стало понятие «фантом» («фантомное слово»), которое, вероятно, в настоящее время претендует уже и на статус термина. Проблеме словарных фантомов посвящены многочисленные публикации (например, работы Л.Ю. Астахиной, О.С. Ахмановой, А.М. Бабкина, В.Д. Бондалетова, А.С. Герда, И.Г. Добродомова, А.В. Жукова, А.Ф. Журавлева, Л.Л. Крючковой, Д.С. Лихачева, М.М. Маковского, А.М. Молдована, Б.Ю. Нормана, Н.В. Поповой,

Н.И. Толстого, Н.С. Трубецкого, В.И. Чернышева, М.И. Чернышевой, А.Н. Шаламовой, В.В. Шаповала, А.К. Шапошникова, а также Х. Вальтера, В.В. Дубичинского, В. Махека, М. Фасмера и многих других). В отдельных публикациях и сериях статей поднимается вопрос о сомнительных вокабулах в диалектных словарях, в том числе в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) (см., например, [2–8] и др.).

По разнообразным причинам в словарях продуцируются, умножаются и тиражируются фантомные единицы, в том числе вследствие своеобразия почерков собирателей или составителей картотек (а в последнем качестве, как известно, нередко выступают студенты, не имеющие достаточной подготовки для такой работы). Приходится констатировать, что, «к сожалению, почти в каждом словаре можно найти совершенно причудливые слова, не свойственные русскому языку, отражающие особенности почерка собирателя, представляющие собой недопустимые искажения» [6. С. 97]. Очевидно, что необходимо вырабатывать подходы, которые помогут верифицировать сомнительные данные уже на стадии подготовки словарных статей, а далее избежать необходимости констатировать ошибки по факту выхода словарей в свет.

Такие вопросы регулярно возникают в процессе работы с первоисточниками, и это побудило нас к поиску обобщений, которые могли бы помочь всем, кто сталкивается с рукописными материалами, но прежде всего составителям диалектных словарей. В настоящем случае намечены способы предупреждения лексикографических ошибок, провоцируемых особенностями написания (графики) в рукописных источниках диалектных словарей.

Ошибки интерпретации рукописей с точки зрения почерковедения

Становится очевидно, что во избежание ошибок прочтения, а далее ошибок при репрезентации вокабул в словаре лексикографу, работающему с рукописными источниками (не обязательно диалектными), следует владеть некоторыми принципами и навыками почерковедческой экспертизы. Несмотря на то, что это направление считается ис-

ключительно юридическим и обычно почерковедение относят к области судебной криминалистики, такие навыки оказываются небесполезными и в работе учителей, проверяющих письменные работы учащихся, и в работе ученых, исследующих письменные материалы, и в работе вообще любых специалистов, анализирующих рукописные данные. Причем в действительности, как показывает практика, при непосредственной работе с первоисточниками приемы графологического анализа используются уже на интуитивном уровне.

С точки зрения графологии изучаются многообразные характеристики рукописей. При расшифровке диалектной записи следует учитывать ряд особенностей почерков, который представлен далее как результат обобщения классификаций, предложенных криминалистами, рассматривающими такие особенности в различной последовательности и оперирующими не всегда сходными терминами (см., например, издания [9. С. 52–128; 10. С. 15–57; 11. С. 31–55]).

1) Общие признаки почерка, отражающие структуру движений по их траектории: а) типичная форма движения (угловатая, петлевая, дуговая, извилистая, изломанная), б) преобладающее направление движений (правонаклонное, левонаклонное, вертикальное, косое, неравномерное), в) размер почерка и отдельных букв, г) разгон почерка (расстояние между отдельными элементами букв, слов, текста, высота букв, расстановка букв и слов), д) степень связности при выполнении отдельных букв, их сочетаний, слов.

2) Частные признаки почерка: а) структурная сложность элементов букв (упрощенное или усложненное написание), б) форма движений (прямолинейная, возвратно-прямолинейная, угловатая, дуговая, извилистая, петлевая, круговая, треугольная), в) направление движения (правокружное, левокружное; сверху вниз, снизу вверх; слева направо, справа налево; сужающееся, расширяющееся относительно основания буквы), г) протяженность элементов (по вертикали, по горизонтали, по площади элементов), д) степень слитности (интервальное, слитное написание элементов), е) количество движений (минимальное при упрощенном строении буквы, с утратой элементов или за счет недооформленности букв; увеличенное с повтором элементов или с внесением дополнительных элементов), ж) последовательность

в написании элементов букв, з) размещение движений (без сдвига или со сдвигом влево, вправо, вверх, вниз).

Это позволяет сделать некоторые собственные обобщения, значимые с точки зрения верификации графического облика слов лексикографом.¹

Регулярно наблюдается, в частности, то, что можно обозначить как «унификацию типичных движений при написании разнородных элементов графических знаков (графем)». Особенности сложности вызывают почерки с преобладанием одного из типов исполнения: дугообразного (петлевого), округлого, прямолинейного (изломанного) (ср. представления об «округлом» или «остром» почерке), в результате чего ослабляется, а в некоторых случаях утрачивается возможность дифференцировать буквы (например, *с* и *е*, *а* и *о*). Иногда затруднительно обнаружить место соединения букв, т. е. разложить слово на графемы, и идентифицировать слово (наибольшие проблемы возникают при сочетании ряда букв с прямолинейными элементами типа *лишишь*), и положение усугубляется при малой разнице в высоте линейных элементов букв *и*, *л*, *м*, *ш*, а также *т*, *ж*. Ср. в диалектных словарях *бам* ‘челнок-однодеревка’ [15. Т. 2. С. 92] вместо *бат*, *балжаши* ‘шутник, озорник’ [15. Т. 2. С. 82] вместо *ба́лмош*, *амы́шица* ‘еж’ [15. Т. 1. С. 253] вместо *ожи́шица* (*ожи́ще*).

Проблемы восприятия вызываются усложненными и упрощенными написаниями однотипных букв. В отсутствие достаточных по разнообразию буквенного состава и объему образцов текста иногда возникают затруднения в различении усложненных верхних или нижних элементов букв *б*, *в* и *д*, *д* и *у*, *д* и *з*, *у* и *з* (ср. *сою́дный* ‘согласный, дружный’ [15. Т. 40. С. 103] вместо *сою́зный*). Нередко (особенно при быстром начертании) происходит, так сказать, сглаживание отдельных элементов букв, в результате чего смешиваются, например, *д* и *з*, особенно в случае преобладания прямолинейного характера движений, фактического отказа от округлых элементов. Типичный пример

¹ В качестве примеров далее выступают ошибочные вокабулы, обнаруженные как нами, так и другими диалектологами, в том числе иллюстрирующие тексты статей [6–8; 12–14] и др., а также присутствующие в картотеке СРНГ.

упрощенного написания в дореволюционных текстах – редукция частотного конечного ъ (ера) в окончаниях до росчерка или петлевого элемента, напоминающего букву γ. При работе с дореволюционными материалами современным диалектным лексикографам необходимо помнить о букве ъ на конце существительных и прилагательных, а также о букве ѣ и различных нормативных и индивидуальных вариантах их написания.

Нечеткость извилистых элементов становится причиной смешения *г* и *ч* (ср. *пáчетать* ‘рассказывать’ [15. Т. 25. С. 302] вместо *пáгетать*, возникшего под влиянием вепсского языка [12. С. 76]). Один из наиболее частотных случаев – смешение букв *к* – *н* – *п* (например, *кудья́* ‘ночной костер’ [16. Т. 3. С. 52] вместо *нудья́*, *кянь* ‘приспособление для вязания рыболовных сетей’ [16. Т. 3. С. 84] вместо *кянь*, *на́клей* ‘древесный гриб’ [16. Т. 3. С. 333] вместо словоформы *на́клея* из *на́кля*, и под.). При «атрофии» округлого элемента гласной буквы *ы* или, наоборот, усложненном (извилистом) написании букв наблюдается смешение *и* – *ы* (ср. *кы́чены* ‘орудия для молотьбы’ [15. Т. 16. С. 208] вместо *кы́чеги* в первоисточнике).

Имеют место индивидуальные особенности в написании отдельных букв. Так, одна из причин ошибочного прочтения слов – написание *н* с «гипертрофированной волнистой перемычкой» (в терминологии В.В. Шаповала), приводящая к смешению ее с *т*. См., например, в статье [17] рассуждения о фразеологизме *сбить с пахтей* ‘сбить с толку’ [18] – вероятно, вместо *сбить с пахней* с исходной прямой семантикой ‘сбить с ног’.

Еще один значимый признак – степень связности элементов букв. Так, например, характерной индивидуальной особенностью может быть раздельное написание элементов буквы *ф*, из-за чего она ошибочно прочитывается как «ор» (ср. *орэ́ризи* ‘старая женская одежда’ (*Вот эти орэ́ризи от матушки остались*) [16. Т. 4. С. 234] вместо *фэ́рязи* ‘поношенная одежда, обувь’ [16. Т. 6. С. 682]). Сходным образом смешиваются *х* и *ос* (*маосóрник* ‘растение горицвет’ [15. Т. 17. С. 367] вместо *махóрник*), *ух* и *ерс* (*целковéрса* ‘яичница-глазунья’ [19. Т. 11. С. 81] вместо *целковóха*). Не учтен фактор связности элементов в случае с фантомным фразеологизмом *порибóн дать* ‘пойти, напра-

виться куда-либо' [15. Т. 30. С. 60] – вместо глагола *порибóндать* 'направиться куда-л. быстрым шагом, побежать'. Ср. также представленные в диалектных словарях вокабулы *аони́на* 'ежевика' [15. Т. 1. С. 264] вместо *ажі́на* (ср. *ежі́на*, *ожі́на*), *арéгва* 'артель промышленников' [15. Т. 1. С. 272] вместо *арáва* (ср. *орáва*) и под.

Особо оговорим «вторичные» ошибки, которые появляются при дублировании первоисточника выборщиками в процессе подготовки рукописных карточек и переносятся далее (при «вторичном» воспроизведении) в словари их составителями при недостаточно внимательном или недостаточно критичном отношении к материалу. Наряду с проблемами идентификации слов по фотокопиям архивных материалов или оригиналам экспедиционных записей это еще одна распространенная причина ошибок, поскольку обычно составители работают с картотекой и не всегда обращаются непосредственно к первоисточникам. Ср., например, контекст: *Вóс'ем спорóф-то стáв'ат*, правильная интерпретация которого оказалась возможной только тогда, когда пришло понимание: хотя написание отдельных графических элементов вполне отвечало нормативному, идентификация букв не вызывала затруднений, но данная запись в карточке являлась результатом ошибочной трактовки первоисточника (здесь – экспедиционной записи), *спорóв* следовало читать как *снопóв*. Аналогичное смешение *н* и *р* при подготовке карточки выборщиком предполагаем в случае с лексемами *цéман* и *цёман* (в подготавливаемом к изданию 53 вып. СРНГ): здесь мы усматриваем неверную интерпретацию частотного слова *чёмор* 'нечистый дух, черт', характерного для территорий, контактных с финно-угорскими языками и культурами.

Причиной ошибки может стать неверное прочтение транскрипции. Ср., например, фантом *девки́да*, оказавшийся сочетанием «*дэ́вки да...*», где диакритический знак «дужка» между существительным и примыкающей постпозитивной частицей был воспринят как знак ударения [17. С. 164]. И поэтому в диалектной лексикографии целесообразно опираться на термин «графема» в понимании А.А. Зализняка, который предложил распространить его не только на буквы, но и на любые графические знаки (см. [20]).

Впрочем, характеристика и систематизация рукописных материалов с точки зрения графологии нуждается в особом внимании и в специальном исследовании.

Ряды часто нейтрализуемых букв и графем

Как справедливо подчеркнул В.В. Шаповал, «при критическом анализе «странной» записи слова происходит, в сущности, перебор и проверка альтернативных прочтений» [21. С. 162]. В отношении таких позиций, предполагающих вариативность интерпретации букв и буквосочетаний, этим исследователем используется удачный термин **позиция нейтрализации букв**. Существенным промежуточным результатом исследований лингвиста стало обобщение рядов нейтрализуемых букв, выявленных им на материале словаря В.И. Даля (всего более 40 рядов) и А.Ф. Журавлевым в серии статей на материале СРНГ (всего 278 позиций) [21]. По нашему мнению, читателю рукописей было бы полезно иметь сводные таблицы таких рядов, в которых все оппозиции (диады, триады, тетрады) для удобства были бы сведены в один реестр в алфавитном порядке, с учетом всех элементов рядов.

Мы обобщили наблюдения наших предшественников и наш собственный опыт, составив такие списки, которые могут быть преобразованы и в табличную форму. «Направление рядов» может быть разным (от исходной графемы к ошибочной или наоборот), что учтено при составлении списка: ряды дублируются на соответствующие буквы. Кроме того, принят во внимание принципиальный характер ошибки, а именно, смешение букв либо переразложение элементов графем, и по этой причине группы рядов первого типа отделены от рядов второго типа (в списочном варианте – разграничены точкой с запятой):

А: а – е, а – и, а – й, а – о, а – л – п, а – ы, а – я, а – ъ; а – ег, а – ог, а – оо, а – ос, а – ъе; аг – ом, ал – ём, ао – ео – ж, ап – ош, ар – ер – ор – ср – ж, ар – ус, ас – ой, аст – от, аш – епи, аш – от.

Б: б – в – д, б – г, б – к, б – о, б – т, б – ь.

В: в – б – д, в – е, в – л, в – р, в – с; вс – ш.

Г: г – б, г – д, г – й, г – к, г – л, г – п, г – с, г – т, г – ч; гб – п, ги – ш, гиз – иц, гл – ль, гн – ж, гн – ш, го – и, го – ю, гь – й.

Д: д – б – в, д – г, д – з – у, д – о, д – р, д – т, д – у – ц – щ; дл – ф, дь – т.

Е: е – а, е – в, е – о, е – с; ег – а, ег – я, ед – ц, ек – ос, ел – ы, ем – ич, ео – ао – ж, епи – аш, ер – ар – ор – ср – ж, ер – ор – ф, ер – уг, ерс – ух, ес – к, ет – ип, ет – ир, ец – щ.

Ё: ё (io) – ю; ём – ал.

Ж: ж – к, ж – м, ж – н, ж – т – ш, ж – х; ж – ао – ео, ж – ар – ер – ор – ср, ж – гн, ж – зи, ж – иг, ж – ис, ж – не, ж – ок, ж – ол, ж – он, ж – оп, ж – ус, ж – чк, ж – ян; жт – щ.

З: з – д – у, з – о, з – р, з – т; зд – ф, зи – ж.

И: и – а, и – к, и – л – м – ш, и – н, и – о, и – ч, и – ы; и – го, и – се, и – сь; иг – ж, иг – м, из – щ, ип – ет, ир – ет, ис – ж, ис – пе, ис – ш, ит – т, иц – гиз, иц – щ, ич – ем.

Й: й – а, й – г, й – гъ, й – нь, й – ст, й – сь.

К: к – б, к – г, к – ж, к – и, к – л – н, к – н – п, к – п – р, к – х; к – ес.

Л: л – а – п, л – в, л – г, л – и – м – ш, л – к – н, л – р, л – х, л – ц, л – я; лг – м, ле – н, лен – мш, ли – м, ли – ме, ли – ш, ль – гл, лю – мо.

М: м – ж, м – и – л – ш, м – н, м – п, м – т; м – иг, м – лг, м – ли, м – се, м – си, м – ск, м – сп; ме – ли, мо – лю, мш – лен.

Н: н – ж, н – и, н – к – л, н – к – п, н – м, н – о, н – р, н – т, н – х, н – ч; н – ле, н – ст; нг – т, не – ж, нпо – тю, нь – й, нь – т, нь – ш.

О: о – а, о – б, о – д, о – е, о – з, о – и, о – н, о – с, о – ь; ог – а, ог – ы, ой – ас, ок – ж, ол – ж, ом – аг, он – ж, оо – а, оо – ю, оп – ж, ор – ар – ер – ср – ж, ор – ер – ф, ос – а, ос – ек, ос – х, от – аст, от – аш, ош – ап.

П: п – а – л, п – г, п – к – н, п – к – р, п – м, п – х, п – ч; п – гб; пе – ис, пи – ше, пк – т, по – те, пух – тр.

Р: р – в, р – д, р – з, р – к – п, р – л, р – н, р – с, р – ч.

С: с – в, с – г, с – е, с – о, с – р, с – ч, с – ь; са – ш, се – и, се – м, си – м, ск – м, ск – т, ск – ш, со – ю, сп – м, ср – ар – ер – ор – ж, ст – й, ст – н, ст – ш, сц – щ, сь – й, сь – и.

Т: т – б, т – г, т – д, т – ж – ш, т – з, т – м, т – н, т – ч; т – дь, т – ит, т – нг, т – нь, т – пк, т – ск; те – по, то – ь, тр – пух, тю – нпо.

У: у – д – з, у – д – ц – щ; уг – ер, ус – ар, ус – ж.

Ф: ф – дл, ф – ер – ор, ф – зд.

Х: х – ж, х – к, х – л, х – н, х – п, х – ц; х – ос.

Ц: ц – д – у – щ, ц – л, ц – х; ц – ед.

Ч: ч – г, ч – и, ч – н, ч – п, ч – р, ч – с, ч – т; чк – ж.

Ш: ш – ж – т, ш – и – л – м; ш – вс, ш – ги, ш – гн, ш – ли, ш – нь, ш – са, ш – ск, ш – ст; ше – пи.

Щ: щ – д – у – ц; щ – жт, щ – из, щ – ец, щ – иц, щ – сц.

Ъ: ъ – с, ъ – ь.

Ы: ы – а, ы – и, ы – ь, ы – ъ; ы – ел, ы – ог; ыщ – ьиц, ынь – ьми.

Ь: ь – б, ь – о, ь – т, ь – ы; ье – а, ьиц – ьщ, ьми – ьнь.

Ю: ю – ё (іо); ю – го, ю – оо, ю – со.

Я: я – а, я – л; я – ег; ян – ж.

Ѧ: Ѧ – а, Ѧ – ы; Ѧ – то.

В реестре отражены все известные нам к настоящему времени примеры смешения букв и переразложения графем в диалектных словарях и рукописных архивах. Полагаем, однако, что этот список неполон и может быть расширен. При необходимости (например, при прочтении пространных трудночитаемых рукописей одного автора) могут составляться аналогичные реестры, отражающие специфику графем в индивидуальном исполнении, т. е. списки рядов нейтрализуемых индивидуальных аллографов.

Способы предупреждения ошибок при идентификации слова в рукописных материалах

Сделанные наблюдения позволяют сформулировать некоторые выводы о том, каким образом возможно предупреждение ошибок при определении графического облика слова.

В идеале, безусловно, все рукописные материалы должны быть расшифрованы и переведены в печатный текст, причем с целью возможности верификации такой текст должен сопровождаться сканированным оригинальным первоисточником. Для этого целесообразно создание особых баз данных, сочетающих сканированный и печатный облик первоисточников. Но даже в современных условиях, с учетом высокотехнологичных достижений, этот идеал недостижим, пока не

удастся автоматизировать (прежде всего с использованием искусственного интеллекта) процесс распознавания всех первоисточников, накопленных за столетия развития русской диалектологии. Не менее очевидно при этом, что даже от «компьютерного сверхинтеллекта» не следует ожидать абсолютной безошибочности.

Однако такие перспективы пока безгранично далеки. Сейчас значительным шагом вперед была бы последовательная оцифровка, а в дальнейшем и расшифровка хотя бы тех рукописных и неопубликованных записей, которые имеют наибольшую ценность. Как известно, большая часть архивных материалов уже утрачена (вследствие стихийных бедствий, военных действий, политических и идеологических пертурбаций и по иным причинам), а большая часть сохранившихся данных до сих пор не введена в научный оборот. Но и обнародованные материалы (в диссертациях, сборниках по результатам работы конференций, студенческих проектах и т. д.) часто остаются доступными очень ограниченному кругу исследователей.

На практике же лексикографы не располагают и такими возможностями, обычно они вынуждены «по старинке» обрабатывать карточку за карточкой, не имея доступа к утраченным либо раритетным первоисточникам и полагаясь на свой опыт, знания и языковое чутье. В таких условиях полезно представление о разнице в эталонных прописях различных периодов (дореволюционных, 1930-х гг., 1970-х гг., 2000-х гг.), которые способствовали формированию типичных почерков. При расшифровке конкретной записи продуктивно сравнение написаний букв в несходных условиях: в разных частях текста, в разнообразном окружении, в сочетании с разными (линейными, дугowymi, петлевыми) элементами соседних букв и др. Но в отсутствие таких возможностей, т. е. в небольшом отрезке записи, важно учитывать условия контекста (смыслового наполнения этой записи), ситуацию, в которой он возник, особенности личности автора высказывания, время написания, цель фиксации речи, жанр высказывания (запись живой речи, фиксация отдельных фраз или нарративов, комментариев собирателя, толкование составителя словаря и под.).

Считаем нужным заострить внимание на ответственности, которая лежит на тех, кто обрабатывает первичные данные. Необходимо пом-

нить, что предложенные решения становятся источником дальнейших научных исследований, а в случае ошибки – причиной ее тиражирования. И при малейших сомнениях работа с диалектными данными значительно усложняется, вплоть до того, что приходится проводить дополнительные изыскания.

Приведем лишь один пример из нашей практики, имевший место при написании 53 выпуска СРНГ, который в данный момент готовится к изданию. Полагаем, не может считаться однозначно достоверным гапакс *цепушка* с дефиницией ‘стенка русской печи’, обнаруживаемый в словарях сибирских говоров [22. С. 576; 23. Т. 5. С. 248]. В отсутствие возможности привлечь первоисточник (экспедиционные записи) помощь в разрешении сомнений оказывают иллюстративный контекст, ареальные данные, этимологические поиски и некоторые иные сведения. Прежде всего обратим внимание на контекст: *Между передней и задней цепушками находится труба*, который позволяет уточнить семантику слова: вероятно, это не стенка печи, а один из двух сводов (сводчатых перекрытий над отверстиями) в передней стенке и стенке горнила, между которыми дым из печи уходит в трубу. В поисках объяснения возможного продуцирования «печных» номинаций с корнем *-цеп-* следует учесть идею Е.Л. Березович о позднем сближении корней *-соп-* → *-цеп-* // *-чен-* [24. С. 92–93]. И можно предположить здесь наличие отношений производности с лексемами *сопуха́*, называющими отверстия для выхода дыма (обычно без дымоходов), откуда далее *сопуха́* ‘сажа’ [15. Вып. 40. С. 9], которые затем притягивают созвучные корни, ср.: вологодское *сопуха́* ‘отверстие в русской печи для самоварной трубы’ – и *чепуха́* ‘отверстие для выхода дыма в стене’ [16. Вып. 6. С. 224, 769]; рязанское *чепуха́* ‘сопуха, трубная, сажа’ [25. Т. 4. С. 607], *чипуха́* ‘сажа’, *чипушной* ‘цвета сажи, черный’ [26. С. 597]. Справедливы размышления Е.Л. Березович: «Думается, что превращение *сопухи* в *чепуху* произошло не только по фонетическим причинам (смешение *с/ч/ц* вследствие «соканья», «цоканья», «чоканья», когда при деэтимологизации переходы идут в разных направлениях), но и вследствие контаминационных процессов: во-первых, В.И. Даль прав, говоря о возможности притяжения *соп-* → *цеп-*//*чен-* (сажа, копать – то, что «цепляется», а затем – метонимичес-

ки – сама поверхность, на которую садится сажа); ...мы считаем, что здесь может быть только вторичное притяжение, а первично корневое *con-*» [24. С. 93]. Однако в нашем случае такой версии сопротивляется тот факт, что мы анализируем гапакс, переходные звенья к которому (вероятна в этом случае цепочка *сѡпѹхѧ* ‘выходное отверстие для дыма’, ‘сажа’ > **цѣпѹхѧ* > *цѣпѹшка*) отсутствуют, в новосибирских говорах единицы с аналогичной семантикой зафиксированы только с корнем *-con-*. Более того, если перечисленные лексемы с начальным *ч-* единичны, то аналогичные единицы с начальным *ц-* (помимо анализируемого слова) в говорах не зафиксированы совсем.

Можно, конечно, допустить, что ступень **цѣпѹхѧ* не была записана случайно, как и множество других низкочастотных слов. Но вместе с тем по данным картотеки СРНГ, именно в сибирских говорах (новосибирских, томских, алтайских, верхнеленских, иркутских, бурятских, амурских) широко используются наименования *переднее* и *заднее цѣло́* для обозначения отверстий в передней стенке и стенке горнила русской печи, между которыми дым из печи уходит в трубу. И, значит, с большой долей достоверности можно предположить, что при чтении рукописного первоисточника было допущено смешение графем *л* и *п*: как *цѣпѹшка* было прочитано слово *цѣлѹшка*. Немаловажным свидетельством, полагаем, является хотя и не собственно первоисточник, но машинописный вариант рукописи, материалы которой и были далее многократно повторены ее авторами в различных публикациях, а затем транслированы в процитированные выше словари сибирских говоров. Это машинопись, которая хранится в архиве Института лингвистических исследований РАН: Солтан С.Г., Макеенко С.К. Словарь русских говоров Кыштовского р-на Новосибирской области (1968). Стоит обратить внимание, во-первых, на то, что для лексемы *цѣпѹшка* предложено толкование ‘стенка, образующая свод печи’, при этом различаются *цѣпѹшка передняя*, «находящаяся на передней стороне печи», и *цѣпѹшка задняя*, «находящаяся на задней стороне печи»; полагаем, изначально такие дефиниции нуждаются в уточнении (неясно, что понимается под сводом печи и какая стенка с таким сводом обозначена как задняя). Во-вторых, в ряду других в словаре представлены лексемы *челѡ́*, *цѣло́* ‘место перед печкой с отверстием для тру-

бы́, развитие значения в которых от исходного общерусского *чело́* ‘устье печи’, считаем, заставляет в какой-то степени усомниться в обоснованности и необходимости апелляции к гипотетическому этимону *сопу́ха*. В-третьих, словарная статья «Цепу́шка» располагается между статьями «Цёвка» и «Центро́вка», что в сочетании с уже изложенными соображениями подводит к мысли о неслучайности этого факта и позволяет обнаружить в этом косвенное доказательство смешения графем *л* и *п*.

Таким образом, нельзя утверждать, что все вопросы в отношении лексемы *цепу́шка* ‘одно из двух сводчатых отверстий, сводчатых перекрытий в передней стенке и стенке горнила, между которыми дым из печи уходит в трубу’ сняты окончательно, однако приведенные доводы позволяют с высокой степенью вероятности утверждать, что данная вокабула является фантомной, подменившей реальную лексему *целу́шка*.

Заключение

Так или иначе, как верно указала Н.Ю. Шведова, всем диалектологам необходимо помнить об ответственности автора словаря перед лингвистикой и лингвистами, перед читателями-неспециалистами, перед традицией и перед самим собой [27. С. 13].

В аспекте верного прочтения рукописных источников как условия достоверности лексикографических данных и базирующихся на них научных изысканий целесообразно владение теорией и приемами графологии (основами почерковедческой экспертизы), практическое значение приобретают предложенные выше сводные реестры рядов нейтрализации букв и переразложения графем.

Безусловно, крайне важна «лексическая зоркость» составителя словаря как способность соотнести анализируемое слово с рядом аналогичных лексических, словообразовательных и (или) грамматических единиц, а благодаря этому – вовремя выявить возможную ошибку прочтения рукописи. Для этого лексикографу необходимо, в частности, иметь представление о данном говоре, группе говоров, наречии (об их словарном фонде, словообразовательных и грамматических

особенностях, об истории говоров в связи с этнокультурными и миграционными процессами и др.). Но помимо всего прочего немало важное значение имеет «зоркость графическая», т. е. способность соотносить рукописный текст с представлениями об особенностях рукописной графики.

Список источников

1. *Добродомов И.Г.* Арготические глаголы с маскировочным суффиксом -ма- в лексикографии // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. тр. Арзамас, 2011. С. 183–188.
2. *Аникин А.Е.* Критико-этимологические этюды: примеры недоразумений, неточностей и фальсификации в русской диалектной этимологии и лексикологии // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 129–137. doi: 10.17223/18137083/53/14
3. *Боброва М.В.* О фантомах в диалектной фразеографии: к постановке вопроса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 94–103.
4. *Бурыкин А.А.* Замечания к проблеме лексического состава русских старожильческих говоров Забайкалья и некоторые соображения о роли ареальных критериев в этимологических исследованиях диалектной лексики иноязычного происхождения // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1999 / под ред. С.А. Мызникова. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2002. С. 46–54.
5. *Журавлев А.Ф.* Лексикографические фантомы 13. СРНГ, Б–П (дополнения) // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 123–135. doi: 10.31168/91674-692-1.1.9
6. *Михайлова Л.П.* Качество собранного материала и вопросы составления диалектных словарей // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: мат-лы науч.-практ. семинара, Петрозаводск, 23–24 марта 2009 г. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 95–103.
7. *Мызников С.А.* Сводная диалектная лексикография: проблемы верификации в диахронии // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: сб. науч. ст. / науч. ред. С.И. Доброва. Воронеж: Изд-во Ворон. гос. пед. ун-та, 2023. С. 174–180.
8. *Шаповал В.В.* Уровни верификации словарной фиксации редкого слова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2013. Т. 4, № 4. С. 278–283.

9. Судебно-почерковедческая экспертиза / под ред. Е.Д. Добровольской, А.И. Манцветовой, В.Ф. Орловой. М. : Юридическая литература, 1971. 304 с.
10. Рубцова И.И., Соколов С.В., Сысоева Л.А. Криминалистическое исследование общих и частных признаков почерка. М. : ЭКЦ МВД России, 2005. 63 с.
11. Почерковедение и почерковедческая экспертиза / под ред. В.В. Серегина. 3-е изд. Волгоград : ВА МВД России, 2017. 349 с.
12. Мызников С.А. Верификация данных в диалектных лексикографических источниках // Вестник Омского университета. 2010. № 1 (55). С. 75–78.
13. Мызников С.А. «Словарь русских народных говоров»: источники и их лексикографическая интерпретация // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб. : Нестор-История, 2016. Вып. 14. С. 500–520.
14. Шаповал В.В. Воронежские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (проблемы лексикографической достоверности) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 66–69.
15. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–52. М. ; Л./СПб., 1965–2021.
16. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005.
17. Боброва М.В. Фразеофантомы в диалектных словарях Пермского края // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127). С. 157–171.
18. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 431 с.
19. Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / под ред. А.И. Ивановой. Е.Н. Борисовой, Л.З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.
20. Зализняк А.А. О понятии графемы // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 559–576.
21. Шаповал В.В. В.И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 158–181.
22. Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 605 с.
23. Словарь русских говоров Сибири: в 5-ти т., 6 кн. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
24. Березович Е.Л. О роли живого материала при верификации этимологических решений: случай *чепухи* // Вопросы языкознания. 2023. № 3. С. 77–98. doi: 10.31857/0373-658X.2023.3.77-98
25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

26. *Словарь* современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовецкого. М. : Наука, 1969. 612 с.
27. *Шведова Н.Ю.* Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа) // *Словарь и культура русской речи*. М. : Индрик, 2001. С. 13–16.

References

1. Dobrodomov, I.G. (2011) Argoticheskie glagoly s maskirovochnym suffiksom -ma- v leksikografii [Argonautic verbs with the masking suffix -ma- in lexicography]. In: *"I nezhnyy vkus rodimoy rechi..." : sbornik nauchnykh trudov* ["And the Gentle Taste of Native Speech...": Collection of Scientific Works]. Arzamas. pp. 183–188.
2. Anikin, A.E. (2015) Kritiko-etimologicheskie etyudy: primery nedorazumeniy, netochnostey i fal'sifikatsii v russkoy dialektnoy etimologii i leksikologii [Critical-etymological studies: examples of misunderstandings, inaccuracies and falsification in Russian dialect etymology and lexicology]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 129–137. doi: 10.17223/18137083/53/14
3. Bobrova, M.V. (2014) O fantomakh v dialektnoy frazeografii: k postanovke voprosa [On phantoms in dialect phraseography: to the formulation of the question]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 3 (27). pp. 94–103.
4. Burykin, A.A. (2002) Zamechaniya k probleme leksicheskogo sostava russkikh starozhil'cheskikh govorov Zabaykal'ya i nekotorye soobrazheniya o roli areal'nykh kriteriev v etimologicheskikh issledovaniyakh dialektnoy leksiki inoyazychnogo proiskhozhdeniya [Remarks on the problem of the lexical composition of Russian old-timer dialects of Transbaikalia and some considerations about the role of areal criteria in etymological studies of dialect vocabulary of foreign language origin]. In: Myznikov, S.A. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1999* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 1999]. Saint Petersburg: ILI RAN. pp. 46–54.
5. Zhuravlev, A.F. (2023) Leksikograficheskie fantomy 13. SRNG, B–P (dopolneniya) [Lexicographic phantoms 13. SRNG, B–P (supplements)]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slovo i chelovek: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. N.I. Tolstogo* [Word and Man: On the 100th Anniversary of the Birth of Academician N.I. Tolstoy]. Moscow: Indrik. pp. 123–135. doi: 10.31168/91674-692-1.1.9
6. Mikhaylova, L.P. (2009) [The quality of collected material and issues of compiling dialect dictionaries]. *Metodika polevykh rabot i arkhivnoe khranenie fol'klornykh, etnograficheskikh i lingvisticheskikh materialov* [Methodology of Field Work and Archival Storage of Folklore, Ethnographic and Linguistic Materials]. Proceedings

- of a Scientific-Practical Seminar. Petrozavodsk. March 23–24, 2009. Petrozavodsk: KSTs RAS. pp. 95–103. (In Russian).
7. Myznikov, S.A. (2023) Svodnaya dialektnaya leksikografiya: problemy verifikatsii v diakhronii [Consolidated dialect lexicography: problems of verification in diachrony]. In: Dobrova, S.I. (ed.) *Problemy izucheniya zhivogo russkogo slova na rubezhe tysyacheletiy: sbornik nauchnykh statey* [Problems of Studying the Living Russian Word at the Turn of the Millennium: Collection of Scientific Articles]. Voronezh: VSPU. pp. 174–180.
 8. Shapoval, V.V. (2013) Urovni verifikatsii slovarnoy fiksatsii redkogo slova [Levels of verification of the dictionary fixation of a rare word]. In: *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey* [Man and Language in the Communicative Space: Collection of Scientific Articles]. Vol. 4 (4). pp. 278–283.
 9. Dobrovol'skaya, E.D., Mantsvetova, A.I. & Orlova, V.F. (eds) (1971) *Sudebno-po-cherkovedcheskaya ekspertiza* [Forensic Handwriting Examination]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
 10. Rubtsova, I.I., Sokolov, S.V. & Sysoeva, L.A. (2005) *Kriminalisticheskoe issledovanie obshchikh i chastnykh priznakov pocherka* [Forensic Examination of General and Particular Characteristics of Handwriting]. Moscow: Ekspertno-kriminalisticheskii tsentr MVD Rossii.
 11. Seregin, V.V. (ed.) (2017) *Pocherkovedenie i pocherkovedcheskaya ekspertiza* [Handwriting Studies and Handwriting Examination]. 3rd Ed. Volgograd: Volgograd Academy of RF MIA.
 12. Myznikov, S.A. (2010) Verifikatsiya dannykh v dialektnykh leksikograficheskikh istochnikakh [Verification of data in dialect lexicographic sources]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 1 (55). pp. 75–78.
 13. Myznikov, S.A. (2016) "Slovar' russkikh narodnykh govorov": istochniki i ikh leksikograficheskaya interpretatsiya ["Dictionary of Russian Folk Dialects": sources and their lexicographic interpretation]. In: Krylova, O.N. (ed.) *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium* [Word and Dictionary = Vocabulum et Vocabularium]. Vol. 14. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 500–520.
 14. Shapoval, V.V. (2010) Voronezhskie dialektizmy v "Slovarе russkikh narodnykh govorov" (problemy leksikograficheskoy dostovernosti) [Voronezh dialectisms in the "Dictionary of Russian Folk Dialects" (problems of lexicographic reliability)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 66–69.
 15. Filin, F.P., Sorokoletov, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–2021) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vols 1–52. Moscow; Leningrad/Saint Petersburg.

16. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Areas]. 6 vols. Saint Petersburg.
17. Bobrova, M.V. (2014) Frazeofantomy v dialektnykh slovaryakh Permskogo kraia [Phraseological phantoms in dialect dictionaries of the Perm Territory]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki.* 2 (127). pp. 157–171.
18. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Phraseological Dictionary of Perm Dialects]. Perm: PSPU.
19. Ivanova, A.I., Borisova, E.N. & Boyarinova, L.Z. (eds) (1974–2005) *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk Dialects]. 11 issues. Smolensk.
20. Zaliznyak, A.A. (2002) O ponyatii grafemy [On the concept of grapheme]. In: Zaliznyak, A.A. *"Russkoe imennoe slovoizmenenie" s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu* ["Russian Nominal Inflection" with an Appendix of Selected Works on Modern Russian and General Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 559–576.
21. Shapoval, V.V. (2009) V.I. Dal' i kritika slovarey: zaglavnoe slovo so znakom voprosa [V.I. Dal and dictionary criticism: headword with a question mark]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii.* 1 (17). pp. 158–181.
22. Fedorov, A.I. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoy oblasti* [Dictionary of Russian Dialects of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otделение.
23. Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. 5 vols, 6 books. Novosibirsk: Nauka.
24. Berezovich, E.L. (2023) O roli zhivogo materiala pri verifikatsii etimologicheskikh resheniy: sluchay chepukhi [On the role of living material in the verification of etymological solutions: the case of *chepukha*]. *Voprosy yazykoznaniya.* 3. pp. 77–98. doi: 10.31857/0373-658X.2023.3.77-98
25. Dal', V.I. (1880–1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 2nd Ed. 4 vols. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie M.O. Vol'fa.
26. Ossovetskiy, I.A. (ed.) (1969) *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti)* [Dictionary of the Modern Russian Folk Dialect (the village of Deulino, Ryazan District, Ryazan Oblast)]. Moscow: Nauka.
27. Shvedova, N.Yu. (2001) Avtor ili sostavitel'? (Ob otvetstvennosti leksikografa) [Author or compiler? (On the responsibility of a lexicographer)]. In: *Slovar' i kul'tura russkoy rechi* [Dictionary and Culture of Russian Speech]. Moscow: Indrik. pp. 13–16.

Сведения об авторе:

Боброва Мария Владимировна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maria V. Bobrova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.03.2025;
одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 11.11.2025*

*The article was submitted 07.03.2025;
approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication 11.11.2025*

Научная статья

УДК 81'374

doi: 10.17223/22274200/38/3

Лексикографическая интерпретация терминов когнитивной лингвистики, функционирующих в российском медиадискурсе

Татьяна Владимировна Романова¹, Ольга Николаевна Колчина²

^{1, 2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия*

¹ *tvromanova@mail.ru*

² *on-kolchina@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлено описание процесса медиатизации терминов когнитивистики (на примере термина *ментальный*) и методология создания дискурсивного словаря, отражающего функционирование термина в непрофессиональной среде. Семантико-прагматическая интерпретация и лексикографическая фиксация терминологических единиц выявляют семантические сдвиги, обусловленные употреблением научных терминов в «чужом» дискурсе. Актуальность вопроса связана с необходимостью исследования активного процесса медиатизации терминов.

Ключевые слова: термины когнитивистики, медиатизация, дискурсивный словарь, лексикография, семантика

Для цитирования: Романова Т.В., Колчина О.Н. Лексикографическая интерпретация терминов когнитивной лингвистики, функционирующих в российском медиадискурсе // Вопросы лексикографии. 2025. № 38. С. 50–70. doi: 10.17223/22274200/38/3

Original article

Lexicographic interpretation of cognitive linguistics terms functioning in Russian media discourse

Tatiana V. Romanova¹, Olga N. Kolchina²

^{1, 2} *National Research University Higher School of Economics,
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

¹ *tvromanova@mail.ru*

² *on-kolchina@yandex.ru*

Abstract. The article addresses the problem of how linguistic terms function in discourse that is not associated with a scientific context. The aim of this article is to describe the process of the mediatization of cognitive science terms and to present a methodology – determined by this process – for creating a discursive dictionary that reflects a term's usage in a non-professional environment. The research material was drawn from the central and regional newspaper corpora, the media corpus, and the social media corpus of the Russian National Corpus. Using the Russian National Corpus data makes it possible to identify term collocates and thereby establish the most stable shifts in lexical meaning. The specific ways terms function in discourses that are not their native domain are revealed through distributional, definitional, and semiotic-sememic analysis, as well as through metonymic and metaphorical modelling. The article presents the results of an analysis of the term *mental'nyy* (mental). Semantic-pragmatic interpretation and lexicographic documentation of terminological units uncover the semantic shifts caused by the use of scientific terms in an "alien" discourse. It is shown that lexical meaning transformation is typically based on the development of polysemy. A possible scheme for presenting a term in the compilation of a "Dictionary of Cognitive Terms Based on Russian Media Discourse" is also proposed. The scheme for describing a term in media discourse includes presenting the term in its primary, cognitive meaning; the results of an analysis of context types and communicative-thematic spheres; the results of a distributional analysis of collocates; propositional structures of the term's usage; semantic shifts; synonyms and antonyms (including contextual ones) and quasi-synonyms; and the ways the term is introduced into a context. Each point is accompanied by illustrative examples. The relevance of the issues addressed in the article stems from the need to investigate the currently active process of term mediatization and to apply a cognitive-discursive approach in such research. Its novelty is determined by the scarcity of studies on term mediatization in general, and on linguistic terms in particular. A new contribution is the concept of a dictionary of cognitive terms in media discourse, which records normative meanings and a term's position within its "own" terminological system, but primarily focuses on the interpretation of cognitive terms in contemporary media discourse.

Keywords: cognitive science terms, mediatization, discursive vocabulary, lexicography, semantics

For citation: Romanova, T.V. & Kolchina, O.N. (2025) Lexicographic interpretation of cognitive linguistics terms functioning in Russian media discourse. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 38, pp. 50–70. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/38/3

1. Постановка проблемы

Исследовательская проблема, которой посвящена статья, связана с изучением активных коммуникативных процессов, приводящих к изменениям в языке. Эти процессы продуктивно отражаются в языке массмедиа. В результате коммуникативно-когнитивной деятельности в медийном пространстве меняется семантическая структура термина. Некоторые изменения стали узальными, но не зафиксированы в лексикографических источниках. Актуальность такого фиксирования обусловлена, с одной стороны, активизацией процесса медиатизации терминосистем, в том числе терминосистемы когнитивистики, которая приобрела общенаучный статус и в некоторых случаях даже утратила свою терминологичность, с другой стороны, динамичным развитием дискурсивной лексикографии, фиксирующей не нормативное, а реальное употребление языковых единиц и отражающей специфику функционирования терминов в несвойственных для них дискурсах. Новизна и практическая значимость описываемого исследования состоит в подготовке языковой базы для создания словаря дискурсивного типа; в разработке и обосновании алгоритма лексикографического представления терминологических единиц в таком словаре (алгоритм является результатом комплексного анализа процессов семантических и прагматических трансформаций когнитивных терминов в медийном дискурсе); в разработке процедур исследования функционирования терминосистемы в «чужом» дискурсе.

Нашим авторским коллективом в 2022 г. издан словарь терминов когнитивной лингвистики по данным научного российского дискурса [1]. Кроме того, при выполнении этого проекта параллельно был собран корпус медиатекстов, который показал, что когнитивные термины употребляются в массмедийном дискурсе [2]. Таким образом, в

качестве перспективы исследования мы определили задачу рассмотрения особенностей функционирования терминов когнитивной науки не только в научном, но и неспециализированных дискурсах. В отечественной лексикографии наблюдается интерес к данной проблеме, о чем свидетельствуют разрабатываемые в научной среде идеи и проекты словарей, которые представляют функционирование лексем, в том числе терминов, в медиадискурсе. Например, проект СПбГУ DATASLOV (<https://dataslov.ru/o-slovare/>), содержащий ключевые слова, соответствующие значимым событиям общественной жизни России. В данном словаре отражены и термины (*дефолт*, *биткоин* и др.), однако в силу целей составителей словаря не акцентируется внимание на определенных семантических сдвигах, новых семантических связях лексем, попавших в «чужой» дискурс. Существует проект ассоциативного словаря медиадискурса, где в качестве стимулов выступают, например, медицинские термины [3], разрабатывается идея словаря юридических терминов в медиадискурсе [4]. Анализируются функции диалектных слов в медиатексте [5; 6]. Изучаются процессы медиатизации политической терминологии [7; 8] и др.

В отечественной и зарубежной лексикографии предпринимались неоднократные попытки создать словари когнитивных терминов [1; 9–11]. Однако словарей, отражающих функционирование когнитивных терминов в медиадискурсе, нет, хотя язык медиа активно осваивает эти термины и этот процесс сопровождается их семантической и прагматической трансформацией. Задачи предлагаемой статьи: 1) проанализировать семантическую трансформацию и особенности функционирования когнитивных терминов в медийной сфере; 2) вывести алгоритм их лексикографического описания для последующего представления в «Словаре когнитивных терминов по данным российского медиадискурса», который планирует составить наша исследовательская группа.

2. Методология и методические процедуры исследования

Для сбора и анализа материала используются методы корпусной и компьютерной лингвистики. Методологическим основанием лексикографического описания функционирования когнитивных терминов в

медиадискурсе является когнитивно-дискурсивный подход, базирующийся на выдвинутом Т. Кабре тезисе о взаимодействии когнитивного, лингвистического и социокультурного компонентов в семантике специальной лексики, которая аккумулирует знания, входит в систему языка в качестве его единиц, и одновременно является единицами коммуникации [12]. Соответственно, «описание терминологических единиц должно включать описание терминов, описание концептов и ситуативный компонент» [13. С. 23], что служит основанием для включения нами характеристики коммуникативно-тематических сфер употребления термина в алгоритм его описания в словарной статье.

В этом случае должны учитываться механизмы взаимодействия терминологической и общеупотребительной лексики [14–16 и др.] и механизмы терминологизации и детерминологизации [17–20 и др.], а также процессы терминологического варьирования, в том числе и варьирования дискурсивного [21–24 и др.], и включения элементов одного дискурса в другой [25–27].

Изменение семантики слова, развитие значений многозначного слова под влиянием его употребления в новом дискурсе можно проанализировать, используя теорию прототипов (Б. Берлин, П. Кэй, Э. Рош) [28, 29] для определения центральных и периферийных лексико-семантических вариантов и шкалу переходности В.В. Бабайцевой [30] для выявления случаев полисемичности, семантического синкретизма, типичных, периферийных, промежуточных употреблений, в том числе для анализа несвободной сочетаемости слова. На этих методиках мы базируемся при анализе дистрибуции термина, при выделении коллокатов и N-грамм. Типичное (прототипическое), центральное значение – значение, представленное в словарях чаще первым (через дефиницию) – отражает базовый уровень категоризации в языке явлений окружающего мира. Коллокаты показывают силу ассоциирования слов в тексте, а N-граммы – лексико-синтаксические связи единиц анализа. Это, в свою очередь, дает представление о конкретном лексико-синтаксическом окружении того или иного термина.

Для описания полисемантической слова необходимо собрать возможные контексты его употребления, проанализировать его дистрибуцию, определить валентностные характеристики. Уточняет контек-

стуальное значение использование приемов анализа парадигматически связанных слов и анализа синтагматически связанных слов.

3. Эмпирический материал

Для данной статьи нами было собраны и проанализированы контексты употребления терминов из подкорпусов центральных СМИ (около 3 млн текстов), региональных СМИ (около 300 тыс. текстов), социальных сетей (около 2 млн текстов) Национального корпуса русского языка. В качестве примера в статье представлен анализ функционирования в медиатекстах когнитивного термина *ментальный*, а также алгоритм его представления в разрабатываемом «Словаре когнитивных терминов по данным российского медиадискурса». Выбор данного термина обусловлен его частотностью в научном корпусе, которая, по данным словаря [1], уступает только наименованиям основных понятий когнитивистики (например, *концепт*, *когнитивный*, *концептуальный*) и некоторым обозначениям психических процессов (*внимание*, *сознание*, *смысл*). Лексема *ментальный* встречается в центральных СМИ в 1 196 контекстах, ИРМ 1,47; примеров употребления в региональных СМИ – 145, ИРМ 2,08; в соцсетях данный термин употребляется более активно – 1781 пример, ИРМ 11,03. Относительная частота употребления лексемы довольно низкая, что можно объяснить ее терминологическим характером. Таким образом, проанализировано свыше 3 000 контекстов употребления лексемы *ментальный* в выдаче НКРЯ. При анализе семантических преобразований лексемы и определения ее семантических связей использовались также данные словарных источников: словаря когнитивных терминов [1], лингвистических терминов [31], толковых словарей [32, 33], словарей иностранных слов [34–36], словаря синонимов [37].

4. Семантическое переосмысление терминов

Для начала охарактеризуем содержание и причины процессов, которые необходимо учитывать при анализе семантики терминов в чужом дискурсе и ее описании. Использование терминов в популярном общеупотребительном контексте неизбежно приводит к трансформа-

ции их содержания: сужению, расширению значения, дифференциации, аттракции, наложению значений; метафорическому и метонимическому концептуальному сдвигу [38. С. 341] и т. д. Собранный нами материал отражает все перечисленные семантические процессы. Можно сказать, что функционирование термина в неспециальной среде порождает эффект полисемантической. Медийный дискурс демонстрирует «семантическую вариативность слова, его способность быть примененным к широкому кругу референтов» [39. С. 71–72].

Лексико-семантические варианты многозначного слова характеризуются разной лексической, грамматической сочетаемостью, разным деривационным потенциалом; «причины полисемии традиционная лингвистика описывает в терминах семантических сдвигов, обусловленных различными факторами: *экстралингвистическими* <...> и *внутрилингвистическими*» [39. С. 10–11]. В когнитивной лингвистике как причина полисемии рассматриваются «метафорические и метонимические концептуальные связи <...>, сформированные в сознании человека в результате индивидуального опыта (Дж. Лакофф и др.)» [39. С. 10].

Полисемия является прежде всего результатом семантической деривации, предполагающей «повторное использование уже существующего имени для называния качественно иного понятия» [39. С. 99]. Семантика производного слова требует отдельного описания, включающего «ассоциативно-деривационную полисемию (наследование производным словом многозначности производящего)» и другие явления [39. С. 43]. Например: *ментальность*, *менталитет*, *ментальный*. Ассоциативные признаки во многих случаях служат также основой метафорических переносов.

В качестве примера рассмотрим семантические трансформации термина *ментальный* при функционировании его в медийном дискурсе. Термин *ментальный*, первоначально употреблявшийся в собственном когнитивном значении, получил широкое распространение в разных типах дискурса, в наибольшей степени подвергся медиатизации, что делает его удобным для иллюстрации.

5. Функционирование термина *ментальный* по данным СМИ

С целью сбора информации для последующего лексикографического представления термина *ментальный* в разрабатываемом «Словаре когнитивных терминов по данным российского медиадискурса» проанализируем и опишем его функционирование в медийном дискурсе, констатируя виды и контекстуальные причины трансформации семантики слова. Количественные данные контекстов указаны в примере лексикографического описания термина ниже. В дальнейшем источники анализируемых примеров указаны так, как они представлены в подкорпусах НКРЯ.

По данным Толкового словаря С.А. Кузнецова, базовое значение прилагательного связано с умственной деятельностью человека [32]. Как правило, значение прилагательного *ментальный* реализует сочетание с определяемым существительным в целом, ниже представлены результаты контекстуального и дистрибутивного анализа лексемы.

В стране растет доля ментальных отклонений, например психозов и депрессий (Парламентская газета, 2021.09.30). Словосочетание *ментальные отклонения* имеет значение ‘психические заболевания’. В словосочетании *ментальные инвалиды* прилагательное находится в одном контексте с лексемой со значением ‘человек, утративший (полностью или частично) трудоспособность вследствие ранения, увечья, болезни или старости’ [33]. Следовательно, в данном употреблении у прилагательного появляется сема ‘потеря трудоспособности/недееспособность’ в результате взаимодействия лексем: *электронные банковские карты стали доступными для граждан из числа ментальных инвалидов* (Парламентская газета, 2021.04.08). *Ментальная модель* – ‘алгоритм поведения, принятия решений’: *Поиск оптимального решения задачи – такова та ментальная модель* (Ведомости, 2020.10.21).

Словосочетание *ментальное пространство* внутри сочинительного ряда противопоставлено словосочетанию *реальное пространство* и таким образом реализует значение ‘ирреальное’: *Лозунги о сохранении и защите исторической памяти и реальное сохранение ее подлинных воплощений – с трудом совмещаются и в ментальном, и в реаль-*

ном **пространстве** (Коммерсант, 05.10.2020). Также данное словосочетание употребляется в значении ‘психическое пространство’: *Фестиваль задуман как альтернативный общему нескончаемому потоку негативной информации в **ментальном пространстве** современного человека и призван выделить в нем небольшую часть под радость от собственного бытия* («Комсомольская правда» в Молдове, 28.04.2011).

Лексема **ментальный** в следующих примерах употребляется в значении ‘интеллектуальный’: *приобретение знаний, пополнение вашего **ментального багажа*** («Олекма», Олекминский район, Республика Саха (Якутия), 11.05.2009); ‘человеческие страхи’: *О социальных, политических и **ментальных** гибридах, – рассказали Интернет-газете «Время Воронежа» организаторы* («Время Воронежа», 30.08.2013); ‘психологический тренинг’: *Почему стоит уделять наибольшее внимание **ментальной работе над собой?*** (Вика Сиа. Сияй! 2022); ‘психологические отклонения’: *Этому типу **ментальных ловушек** свойственно бросание в крайности, максимализм, перфекционизм* (Субботина Анастасия. Психотерапевтические заметки, 02.02.2022).

Признак **ментальный** находится в отношениях оппозиции с признаками *физический, внешний, эмоциональный, материальный* и в отношениях синонимии с признаками *внутренний, психологический, психический, мировоззренческий, культурный, ирреальный, виртуальный, интеллектуальный, душевный*. Оппозиция часто оформляется внутрирядной конструкцией: *ментальные и организационные причины, физическое и ментальное оздоровление, ментальные и социальные мотивы; ментальное – эмоциональное – материальное*. Например, в контексте противопоставляется внутреннее, индивидуальное, психологическое, и внешнее, социальное: *Чтобы подавить **ментальную** боль физической* (telegram чат для художников, 08.03.2022), *здесь ментальная боль – ‘душевная’*.

Среди синонимов, в том числе контекстуальных, лексемы **ментальный** можно обозначить единицы, имеющие семы ‘внутренний’, ‘психологический’, ‘психический’. Например: *Частое прослушивание новогодних и рождественских композиций может вызывать **стресс, раздражение и ментальное истощение*** (Известия, 31.12.2020). Стресс, раздражение – внутренние психические состояния человека.

Словоформа *в голове* синонимична лексеме *ментальный*, общая сема – ‘внутренний’: *На ногах у нее копыта, а если копыта (тут в голове происходит **ментальная** классификация явлений), она должна быть травоядной* (Коммерсант, 23.03.2020).

Нахождение лексемы в ряду контекстуальных синонимов позволяет выявить сему ‘фундаментальные’, ‘основополагающие’, ‘мировоззренческие’: *Но для нефтедобывающей отрасли России это все равно **фундаментальные изменения** – во многом **ментальные*** (Ведомости, 2020.04.21). В следующем примере реализуется компонент значения ‘односторонний, внутренний, который никто не слышит’: *Веду диалог – он, правда, односторонний и **ментальный**, но меня устраивает и такой* (Евгений Хамин. От первого лица, 2021).

Прилагательное *ментальный* образует метафорические сочетания за счет абстрактности, непредметности своей семантики; обозначенный признак относится в этом случае к существительным, которые называют не психологические процессы, а явления другой концептосферы: *ментальные войны, ментальные гибриды, ментальная перестройка и в обществе, и в руководстве, ментальные болячки, ментальные программы, ментальная болтовня, ловушка, битва, кавардак и т.д.* Например: ***Водолей** – «ментальный Юлий Цезарь»*: *обычно он находится где угодно, но только не «здесь и сейчас»* («Олекма», Олекминский район, Республика Саха (Якутия), 14.06.2009).

Изложенное выше позволяет предложить следующую схему описания термина в «Словаре когнитивных терминов по данным российского медиадискурса», отражающую тезаурусно-дискурсивную направленность словаря.

6. Предлагаемая схема описания термина в словарной статье

- I. Дефиниция когнитивного термина.
- II. Медийная интерпретация термина.
 1. Метаданные (частота употребления).
 2. Значения. Контексты употребления.
 3. Коммуникативно-тематические сферы употребления.

4. Дистрибуция/коллокаты
 - предикация,
 - левый/правый контексты,
 - N-граммы.
5. Пропозициональные структуры употребления.
6. Метонимические замены.
7. Метафоризация. Контексты.
8. Другие виды переноса значений. Примеры.
9. Синонимия. Антонимия (оппозиция).
10. Квазисинонимия (гипонимы, гиперонимы, конкретизация, спецификация). Иллюстрации.
11. Способы ввода/объяснения содержания термина. Иллюстрации.

7. Лексикографическое представление функционирования термина *ментальный* по данным СМИ

В соответствии с приведенной схемой представление термина МЕНТАЛЬНЫЙ будет выглядеть следующим образом.

I. Когнитивная интерпретация термина:

МЕНТАЛЬНЫЙ – относящийся к психической жизни человека; умственный [34]. Относящийся к мышлению, умственным способностям человека [35. С.476]

II. Медийная интерпретация термина:

1. Метаданные (частота употребления). Лексема МЕНТАЛЬНЫЙ встречается в 1 196 контекстах из подкорпуса центральных СМИ НКРЯ (IPM 1,47), в 145 контекстах из подкорпуса региональных СМИ (IPM 2,08) и в 1 781 контексте из подкорпуса социальных сетей (IPM 11,03).

2. Значения. Контексты употребления. Преобладающее значение, в котором употребляется термин, ‘относящийся к психике’. Например: *ментальные инвалиды*, *ментальные отклонения*.

3. Сферы функционирования. Коммуникативно-тематические сферы употребления. Прилагательное употребляется в новостных статьях, не являющихся специальными, научными, но посвященных медицине, психологии и психиатрии, а также сфере информации, идеологии, пропаганде.

4. Дистрибуция/коллокаты. Наиболее частотные коллокаты: *инвалидность* (9,92), *арифметика* (8,81), *сканирование* (7,75), *здоровье* (7,13), *расстройство* (6,79), *особенность* (6,69), *отклонение* (6,53), *инвалид* (6,48), *ловушка* (5,73), *нарушение* (5,37).

– N-граммы. *Нарушение* (138), *особенность* (119), *здоровье* (112), *человек* (95), *уровень* (90), *проблема* (85), *расстройство* (65), *инвалидность* (51), *арифметика* (46), *ребенок* (27), *состояние* (43), *образ* (35), *план* (28), *процесс* (26), *отклонение* (24), *мир* (20), *сканирование* (11), *барьер* (10), *причина* (9), *развитие* (9), *инвалид* (24), *связь* (8), *сила* (8).

5. Пропозициональные структуры употребления. Сочетается с существительным в качестве определения, что позволяет точнее определить значение лексемы. Пример: *стрелки космических часов указывают на получение важной информации, учебу, приобретение знаний, пополнение вашего **ментального** багажа* («Олекма», Олекминский район, Республика Саха (Якутия), 11.05.2009). Слово-сочетание *ментальный багаж* употребляется в значении ‘интеллектуальный компонент, знания’.

Определяемые существительные: *арифметика, багаж, битва, благополучие, благосостояние, блоки, болячки, возраст, война, гибкость, готовность, деятельность, заболевания, изменения, инвалидность, источник, кавардак, картина мира, картины, качества, классификации, кризис, ловушки, магия, модель, навыки и знания, нарушения, настрой, неготовность, обработка информации, образ, ограничения, опустошение, опыт, особенности, отклонения, оформление, перестройка, план, подготовка, послание, похожесть, привычки, причины, проблемы, программы, пространство, работа, различия, расстройства, ресурс, связь, секс, общение, состояние человека, стратегия, тело, трудности, уровень, фишка.*

Объект характеристики номинируется лексемами: *люди, дети, человек* (психика, психологическое состояние, здоровье).

6. Метонимические замены. Метонимический перенос с качества на действие: *ментальный* – ‘относящийся к психике’ → ‘алгоритм поведения’. Пример: *Поиск оптимального решения – такова та ментальная модель, сквозь которую Шойгу смотрит на жизнь в целом* (Ведомости, 2020.10.21).

7. Метафоризация. Контексты. Метафорическое употребление: *ментальная (война)* – ‘информационное противоборство’ Пример: *Информационное противоборство в условиях **ментальной** войны» в рамках форума «Армия-2021»* (Ведомости, 2021.08.25). *Ментальные гибриды, ментальная перестройка и в обществе, и в руководстве, ментальные болячки, ментальные программы, ментальная болтовня, ловушка, битва, кавардак и т. д.*

8. Другие виды переноса значений. Примеры. Контекстуальные сдвиги значения: *ментальный* – ‘связанный с психологией’. Пример: *Почему стоит уделять наибольшее внимание **ментальной** работе над собой?* (Вика Сиа. Сияй! 2022).

9. Синонимия и антонимия (оппозиция). Синонимы, в том числе контекстуальные: *внутренний, психологический, психический, мировоззренческий, культурный, ирреальный, виртуальный, интеллектуальный, душевный, недееспособный.*

Лексема *ментальный* образует **оппозицию** с признаковыми лексемами *физический, внешний, эмоциональный, материальный*: Переходу на новые форматы также помешали **ментальные** (преподаватели оказались не готовы к новациям) и **организационные причины** – 35,7 и 34,9% соответственно (Ведомости, 2020.06.04); Целью путешествий все чаще будет не просто смена обстановки и отдых, но также **физическое и ментальное оздоровление** (Коммерсант, 21.12.2020); <...> это работа на нескольких уровнях: **физическом, эмоциональном, ментальном** (Елена Дьячкова. КЕДы, 05.07.2023).

10. Квазисинонимия (гипонимы, гиперонимы, конкретизация, спецификация): *Психические (ментальные) нарушения; эмоциональная (ментальная, энергетическая, социальная) заинтересованность*.

11. Способы ввода/объяснения содержания термина. Иллюстрации:

– вставная конструкция с уточняющей и поясняющей семантикой: <...> *может работать в организациях, помогающих пожилым людям, паллиативным больным, взрослым с психическими (ментальными) нарушениями* («Красное Прикамье» (Сарапул), 08.09.2020);

– однородный ряд с семантикой уточнения, антонимии: *Нужно усилить работу в ментальном плане, отношение к человеку как к ценности, к жизни, к правам, социальной защите* (РИА Новости, 15.01.2020);

– контекст: *Но здесь не менее важна и ментальная подготовка – перед тем как ударить, кирпич или балку я разбиваю уже в голове* («Ивановская газета», 17.07.2013);

– совмещение дефиниции, противопоставления, рядоположенных признаков (однородный ряд): *Мечи (воздух) – ментальный уровень: мысли, составление планов, расчеты, интеллектуальная деятельность, чтение, общение, разговоры, прояснение мыслей, принятие решений* (Владислав Чумаков. Гадание. Обучение ТАРО. Воронеж (2022)).

8. Заключение

Проведенное исследование является началом работы по созданию дискурсивного словаря-справочника терминов когнитивной лингвистики по данным российских СМИ XXI в. Словник анонсируемого словаря составляют базовые термины (60 единиц), зафиксированные в «Проектном словаре-справочнике когнитивных терминов» [1]. Предполагается дополнить этот список, используя технику добора, частотными для медиадискурса терминами, такими как *искусственный интеллект, культурный код, дискурс, мифологема, идеологема* и др. Источниками материала для исследования послужили подкорпус цен-

тральных и региональных СМИ и подкорпус социальных сетей НКРЯ, представляющие публикации начала XXI в. Кроме того, в настоящее время материал пополняется за счет создания и расширения собственного корпуса медийных текстов [2].

В статье представлен алгоритм составления словарной статьи будущего словаря, учитывающий как терминологическое значение слова, так и узуальное, демонстрирующее семантические сдвиги при его употреблении. Анализ контекстов и учет дистрибуции термина *ментальный* по данным подкорпуса СМИ и социальных сетей НКРЯ подтверждает предлагаемую структуру словарных статей для когнитивных терминов в словаре дискурсивного типа. Семантические трансформации, включение термина в новые синонимические и оппозиционные структуры, возникновение новых деривационных связей (например, конверсива) обнаруживают расширительное и метафорическое употребление термина, смену его системных связей (синонимов, антонимов, типо-гиперонимов и др.) в результате общенародного его восприятия. Данные процессы демонстрируют особенности перехода термина из специализированной области в общенародную языковую практику.

Список источников

1. *Проектный словарь-справочник когнитивных терминов* : учебное пособие / под общ. ред. Т.В. Романовой. Нижний Новгород : Деком, 2022. 216 с.
2. *Козюлина М.С.* Корпус медиатекстов, содержащий когнитивные термины. URL: <https://marina-kaz-cognitive-corpus-corpus-appmain-page-fd6fnt.streamlit.app/> (дата обращения: 25.05.2025).
3. *Дударева Я.А., Шпильная Н.Н., Москвитина Т.В.* «Ассоциативный словарь медиасобытий начала XXI века»: концепция лексикографического издания нового типа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (4). С. 1069–1076.
4. *Игнатова Ю.С.* Лексикографическая интерпретация юридической терминологии, функционирующей в российском медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2024. 24 с.
5. *Демешкина Т.А.* Трансформация диалектной коммуникации под воздействием СМИ // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 29–33.

6. Зюзькова Н.А. Функции диалектной лексики в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 35–43.
7. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–77.
8. Кондратьева О.Н. Словарь политических терминов в СМИ как новый лексикографический продукт // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 38–47.
9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
10. Evans V. A Glossary of cognitive linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 239 p.
11. Trask L.R. Key concepts in language and linguistics. L.; New York: Routledge, 1999. 256 p.
12. Cabré M.T. Terminology: Theory, methods, and applications. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 1998. 248 p.
13. Киселева С.В., Росянова Т.С. Когнитивный сдвиг в современном зарубежном терминоведении: обзор основных направлений исследования // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 2 (49). С. 21–25.
14. Бурляй С.А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики в современном французском языке (на материале терминологий медицины, биологии и психологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 1974. 35 с.
15. Гусева Е.И. Критерии терминологичности и корреляция «термин – слово общего языка» // Вестник Донецкого ун-та. 2008. Вып. 1. С. 13–20.
16. Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М.: Просвещение, 1986. 199 с.
17. Алексеева Л.М. Мобильность современной терминологии // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 8. С. 9–27.
18. Бисерова Н.В. Варьирование терминологии миграционного права в медийном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2018. 23 с.
19. Иркова А.В. Эволютивная юридизация русской общенародной лексики: диахронно-синхронный дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями *чест-*, *гражд-*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2020. 25 с.
20. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Либроком, 2009. 256 с.
21. Авербух К.Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2005. 31 с.

22. Бурдина О.Б. Моделирование терминологической вариативности в фармацевтическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Пермь, 2013. 278 с.
23. Раздубев А.В., Зекиева П.М., Арчаков Р.А. Вариативность терминов и терминологических элементов сферы нанотехнологий (на материале английского и русского языков) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 4. С. 130–134.
24. Сандалова Н.В. Норма и вариативность в юридической терминологии (по лексикографическим источникам) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2. С. 42–47.
25. Бобырева Н.Н. Термин как основа языка спорта и спортивного дискурса: междисциплинарность и интердискурсивность // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2023. № 4. С. 811–818.
26. Жаркова У.А. К проблеме интердискурсивности типа текста «Спортивный анонс» (на материале немецкоязычных текстов) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 4. С. 21–29.
27. Пантеева К.В. Интердискурсивность и особенности ее проявления в спортивном дискурсе // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. № 39 (2). С. 289–298.
28. Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley & Los Angeles : University of California Press, 1969. 200 p.
29. Rosch E. Classification of realworld objects: Origins and representation in cognition // Johnson-Laird P.N., Wason P.S. Thinking: Readings in cognitive science. Cambridge (Mass.), 1977. P. 212–222.
30. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
31. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: 5-е изд., исп. и доп. Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. URL: <http://gerebilo.ucoz.ru/> (дата обращения: 25.06.2021).
32. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 21.08.2023).
33. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М. : Азбуковник, 1999. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegov/105702?ysclid=m60oohqy5t248777516> (дата обращения: 15.09.2024).
34. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А.Н. Чудинов. СПб. : Издательство книгопродавца В.И. Губинский, 1894.

- 502 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (дата обращения: 15.09.2024).
35. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2005. 944 с.
36. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : Словарное издательство ЭТС, 2010. URL: <https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.09.2024).
37. Тришин В.Н. Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. 2013. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения: 16.08.2024).
38. Bierwisch M. Basic issues in the development of word-meaning // The child construction of language / ed. by D. Werner. London : Academic Press, 1981. P. 341–387.
39. Леуцёва Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М. : Языки славянской культуры : Знак, 2014. 256 с.

References

1. Romanova, T.V. (ed.) (2022) *Proektnyy slovar'-spravochnik kognitivnykh terminov* [Project Dictionary-Reference Book of Cognitive Terms]. Nizhniy Novgorod: Dekom.
2. Kozyulina, M.S. Korpus mediatekstov, sodержashchiy kognitivnye terminy [Corpus of media texts containing cognitive terms]. [Online] Available from: <https://marina-kaz-cognitive-corpus-corpus-appmain-page-fd6fnt.streamlit.app/> (Accessed: 25.05.2025).
3. Dudareva, Ya.A., Shpil'naya, N.N. & Moskvitina, T.V. (2020) "Assotsiativnyy slovar' mediasobytiy nachala XXI veka": kontseptsiya leksikograficheskogo izdaniya novogo tipa ["Associative Dictionary of Media Events of the Early 21st Century": concept of a new type of lexicographic edition]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22 (4). pp. 1069–1076.
4. Ignatova, Yu.S. (2024) *Leksikograficheskaya interpretatsiya yuridicheskoy terminologii, funktsioniruyushchey v rossiyskom mediadiskurse* [Lexicographic interpretation of legal terminology functioning in Russian media discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
5. Demeshkina, T.A. (2016) Transformation of dialect communication under the influence of the media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 29–33. (In Russian).
6. Zyuz'kova, N.A. (2022) Functions of dialect vocabulary in internet communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 35–43. (In Russian).
7. Rusakova, O.F. & Gribovov, E.G. (2014) Politicheskii mediadiskurs i mediatizatsiya politiki kak kontsepty politicheskoy kommunikativitski [Political media dis-

- course and mediatization of politics as concepts of political communicativistics]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN*. 14 (4). pp. 65–77.
8. Kondrat'eva, O.N. (2016) Dictionary of political terms in the media as a new lexicographic product. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (44). pp. 38–47. (In Russian).
 9. Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Pankrats, Yu.G. & Luzina, L.G. (eds) (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Short Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.
 10. Evans, V. (2007) *A Glossary of Cognitive Linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
 11. Trask, L.R. (1999) *Key Concepts in Language and Linguistics*. London; New York: Routledge.
 12. Cabré, M.T. (1998) *Terminology: Theory, Methods, and Applications*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
 13. Kiseleva, S.V. & Rosyanova, T.S. (2018) Kognitivnyy sdvig v sovremennom zarubezhnom terminovedenii: obzor osnovnykh napravleniy issledovaniya [Cognitive shift in modern foreign terminology studies: a review of main research directions]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (49). pp. 21–25.
 14. Burely, S.A. (1974) *Vzaimodeystvie terminologicheskoy i obshcheupotrebitel'noy leksiki v sovremennom frantsuzskom yazyke (na materiale terminologii meditsiny, biologii i psikhologii)* [Interaction of terminological and common vocabulary in modern French (based on the terminology of medicine, biology and psychology)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
 15. Guseva, E.I. (2008) Kriterii terminologichnosti i korrelyatsiya "termin – slovo obshchego yazyka" [Criteria of terminologicity and the correlation "term – word of general language"]. *Vestnik Donetskogo universiteta*. 1. pp. 13–20.
 16. Reformatskiy, A.A. (1986) Mysli o terminologii [Thoughts on terminology]. In: *Sovremennye problemy russkoy terminologii* [Modern Problems of Russian Terminology]. Moscow: Prosveshchenie.
 17. Alekseeva, L.M. (2023) Mobil'nost' sovremennoy terminologii [Mobility of modern terminology]. *Nauchnyy dialog*. 12 (8). pp. 9–27.
 18. Biserova, N.V. (2018) *Var'irovanie terminologii migratsionnogo prava v mediynom diskurse* [Variation of migration law terminology in media discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.
 19. Irkova, A.V. (2020) *Evolutivnaya yuridizatsiya russkoy obshchenarodnoy leksiki: diakhronno-sinkhronnyy diskursivno-semanticheskiy analiz leksem s kornymi chest-, grazhd-* [Evolutive juridization of Russian national vocabulary: diachronic-synchronic discourse-semantic analysis of lexemes with roots chest-, grazhd-]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo. 25 p.

20. Leychik, V.M. (2009) *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, Methods, Structure]. 4th Ed. Moscow: Librokom.
21. Averbukh, K.Ya. (2005) *Obshchaya teoriya termina: kompleksno-variologicheskii podkhod* [General theory of the term: a complex-variational approach]. Abstract of the dissertation of Doctor of philological sciences. Moscow.
22. Burdina, O.B. (2013) *Modelirovanie terminologicheskoy variativnosti v farmatsevticheskom diskurse* [Modeling of terminological variation in pharmaceutical discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.
23. Razduev, A.V., Zekieva, P.M. & Archakov, R.A. (2018) Variativnost' terminov i terminochelementov sfery nanotekhnologii (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov [Variability of terms and terminological elements in the field of nanotechnology (based on English and Russian languages)]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 130–134.
24. Sandalova, N.V. (2010) Norma i variativnost' v yuridicheskoy terminologii (po leksikograficheskim istochnikam) [Norm and variability in legal terminology (based on lexicographic sources)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2. pp. 42–47.
25. Bobyreva, N.N. (2023) Termin kak osnova yazyka sporta i sportivnogo diskursa: mezhdistsiplinarnost' i interdiskursivnost' [The term as the basis of the language of sport and sports discourse: interdisciplinary and interdiscursiveness]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*. 4. pp. 811–818.
26. Zharkova, U.A. (2014) K probleme interdiskursivnosti tipa teksta "Sportivnyy anons" (na materiale nemetskoyazychnykh tekstov) [On the problem of interdiscursivity of the text type "Sports Announcement" (based on German-language texts)]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 21–29.
27. Panteeva, K.V. (2020) Interdiskursivnost' i osobennosti ee proyavleniya v sportivnom diskurse [Interdiscursivity and features of its manifestation in sports discourse]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. 39 (2). pp. 289–298.
28. Berlin, B. & Kay, P. (1969) *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.
29. Rosch, E. (1977) Classification of real-world objects: Origins and representation in cognition. In: Johnson-Laird, P.N. & Wason, P.S. (eds) *Thinking: Readings in Cognitive Science*. Cambridge (Mass.). pp. 212–222.
30. Babaytseva, V.V. (2000) *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [Phenomena of Transitivity in Russian Grammar]. Moscow: Drofa.
31. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th Ed. Nazran: Izdatel'stvo "Piligrim". [Online] Available from: <http://gerebilo.ucoz.ru/> (Accessed: 25.06.2021).
32. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from:

- [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42) (Accessed: 21.08.2023).
33. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow: Azbukovnik. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/105702?ysclid=m60ohoqy5t248777516> (Accessed: 15.09.2024).
 34. Chudinov, A.N. (ed.) (1894) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words that have Entered the Russian Language]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo knigoprodavtsa V.I. Gubinskiy. [Online] Available from: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/index.htm> (Accessed: 15.09.2024).
 35. Krysin, L.P. (2005) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo.
 36. Epishkin, N.I. (2010) *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://rus-gallicismes-dict.slovaronline.com/> (Accessed: 15.09.2024).
 37. Trishin, V.N. (2013) *Elektronnyy slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka sistemy ASIS* [Electronic Dictionary-Reference of Russian Synonyms of the ASIS System]. [Online] Available from: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (Accessed: 16.08.2024).
 38. Bierwisch, M. (1981) Basic issues in the development of word-meaning. In: Werner, D. (ed.) *The Child Construction of Language*. London: Academic Press. pp. 341–387.
 39. Leshcheva, L.M. (2014) *Leksicheskaya polisemiya v kognitivnom aspekte* [Lexical Polysemy in the Cognitive Aspect]. Moscow: Yazyki slavyanskooy kul'tury: Znak.

Сведения об авторах:

Романова Татьяна Владимировна – д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Нижний Новгород, Россия). E-mail: tvromanova@mail.ru

Колчина Ольга Николаевна – кандидат филол. наук, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Нижний Новгород, Россия). E-mail: on-kolchina@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Tatiana V. Romanova, Dr. Sci. (Philology), professor, leading researcher, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: tvromanova@mail.ru

Olga N. Kolchina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Department of Fundamental and Applied Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

E-mail: on-kolchina@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.04.2025;
одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 11.11.2025*

*The article was submitted 29.04.2025;
approved after reviewing 29.10.2025; accepted for publication 11.11.2025*

ЦИФРОВАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ DIGITAL LEXICOGRAPHY

Научная статья

УДК 81'33

doi: 10.17223/22274200/38/4

Мультиязычная база данных «Эмоции в метафорическом представлении»: принципы создания и возможности использования

Асель Сабырбековна Кожакметова^{1, 2},
Аимгуль Каирбековна Казкенова¹

¹ Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

² Пограничная академия КНБ Республики Казахстан,
Алматы, Казахстан

¹ a.kozhakhmetova@narxoz.kz

² aimgul.kazkenova@narxoz.kz

Аннотация. В статье представлены принципы создания мультиязычной базы данных «Эмоции в метафорическом представлении», охватывающей четыре языка: английский, казахский, немецкий и русский. База данных нацелена на систематизацию и сопоставительный анализ метафорических моделей, репрезентирующих базовые эмоциональные состояния: гнев, страх, печаль, радость, отвращение и удивление. Аннотация метафорических моделей реализуется по ряду параметров: домены, субмодели, семантические роли, тематические классы глаголов и прилагательных.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, метафора, мультиязычная база данных, семантическая роль, тематический класс, эмоция

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19177908). Авторы сердечно благодарят анонимных рецензентов за ценные замечания и рекомендации.

Для цитирования: Кожакметова А.С., Казкенова А.К. Мультиязычная база данных «Эмоции в метафорическом представлении»: принципы создания и возможности использования // Вопросы лексикографии. 2025. № 38. С. 71–93. doi: 10.17223/22274200/38/4

Original article

"Emotions in Metaphorical Representation" multilingual database: Principles of development and usage opportunities

Assel S. Kozhakhmetova^{1, 2}, Aimgul K. Kazkenova¹

¹ *Narxoz University, Almaty, Kazakhstan*

² *Border Academy of the National Security Committee of Kazakhstan,
Almaty, Kazakhstan*

¹ *a.kozhakhmetova@narxoz.kz*

² *aimgul.kazkenova@narxoz.kz*

Abstract. The article presents the principles for developing and the potential applications of the multilingual database "Emotions in Metaphorical Representation." This resource is designed to systematize and conduct cross-linguistic analysis of metaphorical models that represent basic emotional states in four languages: English, Kazakh, German, and Russian. The relevance of the research is driven by the absence of a specialized linguistic database focusing specifically on metaphorical expressions used to conceptualize emotions across different language systems. The study aims to create a database containing examples from English, Kazakh, German, and Russian, and to develop a unified annotation system that enables cross-linguistic comparison of metaphorical models. The scientific novelty of the research lies in the development of the database itself, the principles of classification and annotation, and the selection and interpretation of empirical material. Furthermore, the study attempts to integrate the Kazakh language into cross-linguistic metaphor analysis, helping to partially fill the existing gap in this field. Currently, the database includes 551 analyzed examples containing frequent and conventional metaphorical expressions that represent six basic emotions: anger, fear, sadness, joy, surprise, and disgust. The examples are extracted from corpus sources in the four languages and are accompanied by source information and detailed annotation. Annotation was carried out according to the following parameters: emotional states by clusters, metaphorical models and submodels, semantic roles, and thematic classes of verbs and adjectives. The structure of the database allows for flexible searching of relevant contexts and conducting cross-linguistic comparisons, as demonstrated, for instance, with the submodel "EMOTION IS A LIQUID" and its realization in the four languages. The developed database is highly extensible: its structure allows for the addition of new languages, emotions, and contexts, and it can be easily adapted for various tasks in linguistic research on metaphors.

Keywords: corpus linguistics, metaphor, multilingual database, semantic role, thematic class, emotion

Acknowledgments. This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19177908). The authors are grateful to the anonymous reviewers for their detailed and very useful comments.

For citation: Kozhakhmetova, A.S. & Kazkenova, A.K. (2025) "Emotions in Metaphorical Representation" multilingual database: Principles of development and usage opportunities. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 38, pp. 71–93. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/38/4

Введение

Современные базы данных являются не просто функциональными аналогами традиционных словарей – они значительно превосходят их по возможностям хранения, обработки и визуализации языковых данных. В отличие от классических словарей, имеющих статичную структуру, базы данных обладают динамическим характером: они открыты для пополнения, модификации, гибкого поиска по различным параметрам. Кроме того, базы данных могут реализовать сопоставление данных сразу на нескольких языках, тогда как словари, как правило, ограничиваются одноязычным или двуязычным форматом. В перспективе не исключается формализованное хранение и обработка «эмоций, впечатлений, запахов и другой информации, с которой имеют дело представители гуманитарных наук» [1. С. 100–101]. Именно эти особенности делают базу данных важнейшим инструментом современного лингвистического анализа.

Мультиязычная база данных «Эмоции в метафорическом представлении» [2], о которой пойдет речь в этой статье, построена на материале английского, казахского, немецкого и русского языков. Новизна предлагаемой работы определяется возможностями «каталогизации» и сопоставительного анализа метафор, описывающих базовые эмоциональные состояния. В статье предлагается описать лежащие в основе базы данных принципы отбора, классификации и аннотирования метафорических контекстов.

В первом разделе статьи представлен обзор современных лингвистических ресурсов, предназначенных для анализа метафор. Во втором разделе описаны структура и содержание разработанной нами базы данных метафор. В третьем разделе рассматривается один из примеров ее практического использования. В заключении подводятся итоги и оцениваются перспективы расширения предлагаемой базы данных.

Обзор современных лингвистических ресурсов для анализа метафор

Существующие лингвистические базы и каталоги метафор демонстрируют разнообразие подходов к организации и обработке данных. Рассмотрим некоторые из этих ресурсов.

ATT-Meta (ATTitudes and Metaphor-based) Project: Metaphor, Metonymy and Mental States [3] посвящён исследованию метафор и метонимий, связанных с когнитивной сферой и был разработан в Университете Бирмингема Дж. Барнденом. Дatabank содержит более 1 000 примеров из реального дискурса, в которых представлены метафорические описания различных ментальных состояний, например воображений, желаний и др. Проект предлагает обработку метафор через механизм «метафорических коконов» – особых пространств рассуждения, где высказывание временно интерпретируется буквально [4].

Metaphor Map of English [5] – ресурс, созданный в рамках проекта Mapping Metaphor with the Historical Thesaurus в Университете Глазго, содержит более 14 000 метафорических связей между семантическими доменами, охватывающими ключевые концептуальные сферы, такие как разум, эмоции, общество и др. Эти связи прослеживаются от периода древнеанглийского языка до современности, что позволяет выявлять как устойчивые, так и изменяющиеся во времени метафорические модели [6].

Lexicon Translaticium Latinum (LTL) [7] – электронный лексикон, разработанный под руководством М. Шорт и Ч. Федриани. LTL основан на структуре Latin WordNet, где каждая метафора представляется как однонаправленное отображение между двумя синсетам – концептуальными структурами, представляющими исходный и целевой

домены метафоры. Метафоры аннотируются по следующим параметрам: тип (онтологическая, структурная, образная); статус (конвенциональная, креативная); семантическая связь с другими метафорами [8].

Figurative Archive [9] – база данных, содержащая 997 метафор итальянского языка: языковых («every day») метафор – 464 единицы, литературных – 533. Архив аккумулирует данные, собранные командой лаборатории нейролингвистики и экспериментальной прагматики (NEPLab) при Университете IUSS в Павии (руководитель проекта – В. Бамбини). Платформа поддерживает поиск по темам, образным схемам и частотным характеристикам, а также предоставляет пользователю рейтинги метафор и корпусные параметры. Доступны фильтры, поиск по ключевым словам, а также визуализация в виде графиков плотности и диаграмм рассеяния с возможностью выделения и масштабирования [10].

Catalogue of Semantic Shifts (CSSh) [11] – масштабный лингвистический проект, направленный на систематизацию и анализ семантических изменений и сдвигов в более чем 2 000 языках. Проект был инициирован Анной А. Зализняк и реализуется в форме базы данных, которая на сегодняшний день содержит более 9 000 семантических переходов и около 40 000 их реализаций. Пользователи могут осуществлять поиск по семантическим переходам, значениям, языкам и другим параметрам, а также использовать инструменты для сравнения и анализа данных [12].

Полиязычный словарь метафор – цифровой лексикографический ресурс, разработанный научным коллективом кафедры русского языка и лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета под руководством Е.А. Юриной. В ресурсе представлены обширные словарные базы по четырем языкам – русскому, английскому, итальянскому и казахскому. На современном этапе разработки словарь охватывает гастрономические метафоры как системы воплощенных в семантике языковых единиц исходных метафорических образов, транслирующих пищевой код культуры [13].

Рассмотренные базы строятся на разных теоретических подходах к изучению метафор. Так, АТТ-Meta основан на когнитивно-логичес-

ком моделировании, тогда как Metaphor Map of English опирается на историко-лингвистический анализ с реализацией масштабной картографической визуализации метафорических связей. В свою очередь Figurative Archive сочетает корпусный подход с прагматическим и нейролингвистическим анализом, LTL построен на принципах лексикографической систематизации, каталог Catalogue of Semantic Shifts организован по лексико-типологической классификации, структура Полиязычного словаря метафор определяется концепто-ориентированным подходом.

Обращает на себя внимание вариативность по языковому охвату: имеются как моноязычные, так и мультиязычные базы данных. Так, ATT-Meta и Metaphor Map of English представляют собой ресурсы, рассматривающие лексику только английского языка. LTL разработан для анализа лексики и семантики латинского языка, а Figurative Archive – база данных метафор, собранных на материале итальянского языка с параллельным переводом на английский. Среди мультиязычных баз данных наиболее масштабным по языковому охвату является CSSh, включающий данные по тысячам языков мира.

Существенные различия также наблюдаются как в поисковых возможностях, так и в подходах к аннотации. Так, в Metaphor Map of English предусмотрен поиск по семантическим доменам (источник/мишень) без текстовых примеров, а также возможность применения диахронического фильтра с последующей визуализацией метафорических сетей на интерактивной карте. В свою очередь LTL предоставляет поиск не только по доменам (источник/мишень), но и фильтрацию по типу метафоры (онтологическая, образная и др.), а также доступ к синсетам и примерам употребления. В Figurative Archive доступны фильтрация по типу метафоры (языковая, литературная) и частотная маркировка. Наиболее широкие возможности для типологических наблюдений представлены в CSSh.

Изучение этих ресурсов позволило выявить наиболее эффективные методологические и технические решения, учесть архитектурные и структурные особенности лингвистических баз, а также определить функциональные и содержательные требования к разработке собственной базы данных метафорических моделей.

Структура и содержание базы данных «Эмоции в метафорическом представлении»

База данных «Эмоции в метафорическом представлении» охватывает шесть базовых эмоций: гнев, отвращение, страх, радость, печаль и удивление, подвергающихся метафорическому осмыслению в четырех языках: английском, казахском, немецком и русском. Ресурс позволяет наблюдать за метафорическим представлением как разных эмоций в одном языке, так и одной эмоции в разных языках.

Возможность сопоставления метафор разных языков обеспечивается двумя решениями: выбором психологического («объективного») основания для выделения базовых (универсальных) эмоций; соблюдением единых принципов отбора языкового материала и его разметки. Кроме того, важно было найти баланс между лингвистическим описанием метафор и технологическими возможностями организации собранного материала и навигации в нем¹.

Рассмотрим основные принципы составления базы данных «Эмоции в метафорическом представлении».

Принципы выделения зон-источников

Зона-источник (source domain) – это то, что концептуализируется через метафору, в нашем случае это эмоциональное состояние. В число эмоций как зон-источников метафор вошли лишь базовые (универсальные) эмоции, которые испытываются членами любого человеческого сообщества вне зависимости от культурных, языковых, политических или иных обстоятельств. При межязыковом сопоставлении метафор это позволяет исключать отсутствие эквивалентов на уровне зон-источников в том или ином языке.

В психологии существует несколько подходов к классификации базовых эмоций. Так, К. Изард выделяет семь базовых эмоций: гнев, презрение, отвращение, горе, страх, вину и интерес [14]. П. Экман, в свою очередь, предлагает выделять шесть универсальных эмоцио-

¹ Техническая поддержка базы данных осуществляется М. Мухатовым.

нальных состояний: гнев, отвращение, страх, радость, печаль и удивление [15]. При этом отдельные исследователи подвергают сомнению статус отдельных эмоций, например, Э. Ортони и М. Тернер не включают удивление в список базовых эмоций [16]. Тем не менее мы принимаем версию списка базовых эмоций П. Экмана как одну из наиболее эмпирически обоснованных и широко признанных как в психологии, так и в смежных науках.

Принципы отбора лексем, обозначающих эмоции

Следующей задачей стало определение круга лексем, обозначающих эмоциональные состояния. Поскольку каждая эмоция может иметь разные проявления (например, различающиеся степенью интенсивности) и по-разному оцениваться как экспериенсером, так и наблюдателем (и эти оценки, как и способы проявления эмоций, могут быть культурно обусловлены), в каждом языке существует несколько лексических единиц для обозначения одной эмоции.

В этой ситуации оказывается продуктивным применение кластерного подхода. Ср. замечание В.И. Шаховского: «Они (*эмоции* – *А.К. и А.К.*) редко проявляются, выражаются в единственном варианте, чаще реализуются пучком (кластерность эмоций): группа гнева включает в себя неудовольствие, раздражение, возмущение, ненависть, негодование, ярость, бешенство. Вычленяются кластеры эмоций радости, печали, страха и др.» [17. С. 9]. Согласно этому подходу каждый «кластер» формируется на основе определенного прототипического сценария и позволяет брать во внимание не отдельные слова, а целые семантические поля, связанные с той или иной эмоцией [18]. В рамках каждого кластера мы отбирали существительные, отражающие разные типы и оттенки соответствующей эмоции. Например, для кластера ‘печаль’ – казахские лексемы *мұң*, *қайғы*, *уайым* и пр.; русские – *тоска*, *грусть* и пр.

При отборе обозначающих базовые эмоции лексических единиц были использованы следующие лексикографические источники: для английского языка – [19], для казахского – [20], для немецкого – [21] и для русского [22].

Применяя кластерный подход, мы допустили следующие ограничения. Во-первых, отбирались только имена существительные, обозначающие базовые эмоции. Во-вторых, среди них отбирались только наиболее частотные и стилистически нейтральные, не имеющие согласно данным словарей специальных помет: *устар.*, *поэт.*, *высок.*, *книжн.*, *архаич.* В итоге были отобраны следующие лексемы – наименования эмоций (табл. 1).

Таблица 1

Кластеры базовых эмоций

Яз.	Страх	Печаль	Радость	Гнев	Удивление	Отвраще- ние
к а з	<i>алаңдауш ылық қорқыныш үрей</i>	<i>жабығу қайғы қайғы- қасірет мұң сағыныш уайым</i>	<i>бақыт қуаныш</i>	<i>ашу ашу-ыза қаһар ыза</i>	<i>таңғалу</i>	<i>жиркеніш</i>
р у с	<i>боязнь испуг оцене- ние паника страх ужас</i>	<i>горе грусть печаль тоска уныние</i>	<i>восторг веселье наслаж- дение радость счастье удоволь- ствие</i>	<i>бешен- ство враждеб- ность гнев злоба злость раздра- жение ярость</i>	<i>восторг пораже- ние удивление</i>	<i>брезгли- вость неприятие омерзение отвраще- ние</i>
а н г л	<i>apprehen- sion fear fright panic terror</i>	<i>gloom grief sadness sorrow</i>	<i>cheerful- ness delight glee happiness joy pleasure</i>	<i>anger annoyance indignation irritation outrage rage resentment</i>	<i>amazement bewildere- ment surprise</i>	<i>aversion disgust loathing revulsion</i>
н е м	<i>Angst Beklem- mung Entsetzen Furcht Panik Unruhe</i>	<i>Kummer Leid Niedegesch lagenheit Traurigkeit Wehmut</i>	<i>Freude Glück Heiterkeit Jubel Vergnügen</i>	<i>Ärger Groll Wut Zorn Zornausb- ruch</i>	<i>Erstaunen Staunen Verblüf- fung Verwun- derung Überra- schung</i>	<i>Ekel Angerwi- dertsein Widerwille</i>

Принципы отбора метафорических контекстов

В базу данных отбираются только конвенциональные метафоры – устойчивые и регулярно воспроизводимые в речи, в отличие от авторских (художественных).

Появление корпусов предоставляет возможности объективно оценить регулярную воспроизводимость метафорических контекстов. Нами использовались следующие корпусные ресурсы соответствующих языков: английского [23; 24]; казахского [25; 26]; немецкого – [27; 28]; русского [29; 30].

Отбор примеров из корпусов осуществлялся следующим методом: в корпусах задавался поиск определенной лексемы, относящейся к соответствующему кластеру (см. табл. 1). Целью поиска было выявление метафорических контекстов, в которых реализуется репрезентация эмоционального состояния (например: *охватил гнев, радость наполнила* и др.). В корпусах, кроме стандартного поиска по ключевому слову, использовались инструменты корпусов, такие как «Портрет слова» (НКРЯ), «Word Sketch», «Thesaurus», «Show Visualization» (Sketch Engine), которые позволяют выявить наиболее частотные и типичные глаголы (порог не менее 5 вхождений) и прилагательные, сочетающиеся с наименованиями эмоций в метафорических контекстах. Все примеры проходили ручную проверку с целью исключения омонимичных или ошибочных употреблений, не относящихся к концептуальной метафоре. Таким образом, на этом этапе сбора материала также вводилось ограничение: включенные в базу данных метафорические контексты содержат в качестве обязательного компонента существительное – один из элементов того или иного кластера эмоций (см. табл. 1).

Работая над сбором казахского языкового материала, мы столкнулись с некоторыми трудностями. Несмотря на наличие корпусов казахского языка, они остаются ограниченными как по объему, так и по функциональным возможностям. Общий объем корпусных данных по казахскому языку составляет лишь несколько миллионов словоупотреблений, что значительно уступает масштабам корпусных ресурсов, созданных для английского, немецкого, русского и других языков.

Таблица 2

Количество примеров, вошедших в базу данных

Языки	Страх	Печаль	Радость	Гнев	Удивление	Отвращение	Всего
Казахский	15	51	17	19	3	2	107
Русский	33	18	56	32	7	17	163
Английский	21	22	42	41	5	4	135
Немецкий	45	15	40	35	6	5	146
Всего	114	106	155	127	21	28	551

В [26] отсутствует возможность поиска по словоформе – поиск возможен только по лемме, в то время как, например, в [30] реализованы обе возможности поиска. Тем не менее, увеличив долю ручной обработки, мы включили казахский материал в мультиязычную базу, чтобы восполнить существующий пробел (ресурсов, ориентированных на анализ метафор казахского языка, пока недостаточно).

На данный момент база данных включает 107 примеров на казахском языке; 163 – на русском; 135 – на английском; 146 примеров на немецком (см. табл. 2).

Принципы выделения метафорических моделей и субмоделей

Отобранные корпусные примеры были размечены на предмет того, какие метафорические модели, применяемые для описания эмоций, они иллюстрируют.

Метафорические модели представляют собой структуры, в которых один домен (зона-источник) отождествляется с другим (зоной-мишенью), например: ЭМОЦИЯ – ЭТО ВЕЩЕСТВО. Метафорические модели отражают принципы когнитивной семантики, согласно которым метафора рассматривается как универсальный механизм кон-

цептуализации, когда более абстрактные сферы моделируются по образцу более конкретных².

Несмотря на то, что многие метафоры претендуют на универсальность, З. Ковечеш подчёркивает, что конкретные реализации метафорических моделей могут существенно отличаться от культуры к культуре, от языка к языку. Это положение он иллюстрирует на примере сопоставления английских метафор с венгерскими, китайскими и японскими, показывая, когда одна и та же эмоция (например гнев) концептуализируется через различные метафорические модели, обусловленные культурными особенностями [33].

При установлении метафорических моделей мы ориентировались на образцы, представленные в Master Metaphor List, разработанном под руководством Дж. Лакоффа [34].

По результатам проведенного анализа собранного материала был составлен список метафорических моделей, применяемых для описания разных эмоциональных состояний в четырех языках: ЭМОЦИЯ – ЭТО ОГОНЬ; ЭМОЦИЯ – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО; ЭМОЦИЯ – ЭТО ГРУЗ; ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕСТЕСТВЕННАЯ СИЛА; ЭМОЦИЯ – ЭТО СТРОЕНИЕ; ЭМОЦИЯ – ЭТО ЗАКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО; ЭМОЦИЯ – ЭТО ОБЪЕКТ; ЭМОЦИЯ – ЭТО БОЛЕЗНЬ; ЭМОЦИЯ – ЭТО ВЕЩЕСТВО; ЭМОЦИЯ – ЭТО СВЕТ; ЭМОЦИЯ – ЭТО ПИЩА; ЭМОЦИЯ – ЭТО ТОВАРИЩ.

Анализ материала подталкивает нас к выводу о том, что метафорические модели могут пересекаться друг с другом, допускать разные интерпретации, а также вступать в иерархические отношения. Показательно, что в рамках когнитивной теории метафоры до настоящего времени отсутствует единая и общепринятая иерархия субмоделей, что указывает на сложность их систематизации. В частности, З. Ковечеш подчёркивает вариативность и контекстуальную специфику реализации базовых концептуальных метафор [33].

² Согласно когнитивной теории метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, абстрактные понятия осмысливаются через структуры, заимствованные из конкретных сфер опыта. Метафора в этом контексте понимается не как языковой приём, а как базовый способ мышления [31]. Схожую интерпретацию предлагает Е.В. Падучева [32].

База данных метафор эмоций учитывает сложность многоуровневой системы. Например, модель ЭМОЦИЯ – ВЕЩЕСТВО, может быть конкретизирована в субмоделях ЭМОЦИЯ – ЖИДКОСТЬ (1) или ЭМОЦИЯ – ГАЗ (2):

(1) *However the simmering **anger spilled out** in the open late night* (<https://www.ummid.com/news/2015/May/29.05.2015/lucknow-clashes.html>).

‘Однако еле сдерживаемый гнев выплеснулся наружу поздно ночью’.

(2) ***Anger clouded** his judgement* (https://www.unrv.com/forum/blogs/blog/47-cornelius_sullas-blog/).

‘Гнев затуманил его рассудок’.

В то же время «наивный» подход иногда позволяет не соблюдать научную точность. Так, мы не выделяем субмодель ЭМОЦИЯ – ЭТО ТВЕРДОЕ ТЕЛО, более естественными кажутся интерпретации ЭМОЦИЯ – ЭТО ГРУЗ или ЭМОЦИЯ – ЭТО ОБЪЕКТ.

Разграничение моделей и субмоделей является достаточно продуктивным при сопоставлении разных языков, потому что они могут различаться по степени обобщенности/детализированности метафорических образов.

Принципы выделения тематических классов глаголов и прилагательных

Глаголы и прилагательные играют ключевую роль в формировании метафорического образа эмоций, поскольку именно через них осуществляется концептуальное проецирование одного домена на другой и именно «таксономический сдвиг» глаголов и прилагательных при наименованиях эмоций свидетельствует о возникновении метафоры.

При анализе семантики глаголов и прилагательных особую важность представляет их принадлежность к тому или иному тематическому классу. Тематический класс объединяет слова с общим семантическим компонентом, который занимает центральное место в их смысловой структуре [32. С. 42]. Размечая глаголы и прилагательные по их принадлежности к тематическим классам, мы выделяли доста-

точно крупные семантические категории, служащие основой для классификации метафорических моделей. На основе проведённого анализа были выделены следующие тематические классы глаголов, реализующих метафорическую репрезентацию эмоций: движение, каузация движения, воздействие, взаимодействие, изменение, локализация и др. При необходимости эти категории могут быть детализированы путем выделения подкатегорий. Так, тематический класс *движение* включает в себя глаголы, обозначающие *приближение* и *удаление*, которые метафорически могут передавать наступление и завершение эмоционального состояния, ср. (3) и (4):

(3) *Ни с того ни с сего со вчерашнего дня навалилась тоска* (<http://www.chadayev.ru/blog/2009/03/page/2/>).

(4) *А если больше думать о том, как помочь другим – и страх отступает, и домыслы рассеиваются (ведь нужно поддерживать людей, а не деморализовать)* (<http://waytosoul.ru/node/6467>).

При отборе примеров из корпусов основное внимание было уделено глаголу: он является обязательным компонентом метафорического контекста. Напротив, имена прилагательные участвуют в формировании метафорического образа менее регулярно, чем глаголы. По результатам исследования наиболее продуктивными в репрезентации эмоций оказались следующие тематические классы прилагательных: физические свойства (вес, размер, температура); внешность; время; звук; интенсификация.

Присвоение семантических ролей наименованиям эмоций

Важной частью разметки базы данных является определение семантической роли, которую выполняет наименование эмоции. Понятие семантической роли имеет давние традиции, восходящие еще к грамматике Панини [35], но сам термин *семантическая роль*, широко используемый в современной лингвистике, был впервые введен и теоретически обоснован в работах Ч. Филлмора. В рамках своей теории Ч. Филлмор предложил следующий базовый набор семантических ролей: Агенса; Пациенса; Бенефактив; Экспериенцер; Стимул; Инструмент; Адресат; Источник; Цель [36].

Понятие семантической роли («глубинного падежа») позволяет нам эффективно моделировать метафорический контекст, а также устанавливать его связь с исходной (неметафорической) ситуацией.

В примерах, вошедших в базу данных, наименования эмоции были присвоены наиболее устоявшиеся в лингвистике семантические роли: Агенса, Контрагента, Эффектора, Конечная точка, Инструмент, Место, Пациент, Цель, Свойство. Так, в примере (5) *гнев* выполняет роль Эффектора, а в примере (6) *sadness* – Агенса:

(5) *Постарайтесь уловить момент, когда в вас закипает гнев* (http://www.3voзраст.ru/article/otnosheniya/alone_myself/3194/).

(6) *This knowledge fills me with a sense of accomplishment, but sadness also creeps in* (<https://www.usda.gov/media/blog/2014/09/15/what-wilderness-experience-exceeds-definition>).

‘Это знание наполняет меня чувством выполненного долга, но в то же время закрадывается грусть.’

Пример использования базы данных «Эмоции в метафорическом представлении»

Изучение метафор эмоций имеет богатые традиции в лингвистике (см. работы Дж. Лакоффа, З. Ковечеша, А. Вежбицкой, В.И. Шаховского, Н.Д. Арутюновой, Д.О. Добровольского, Ю.Д. Апресяна, В.Ю. Апресян, А. Стефановича, Р. Гиббса, А. Огарковой, К. Сориано и многих других). Тем не менее новые исследовательские инструменты, такие как базы данных, дают возможности по-новому посмотреть даже на такой хорошо изученный объект.

Предлагаем пример практического применения разработанной базы данных для сопоставительного анализа метафорической субмодели ЭМОЦИЯ – ЖИДКОСТЬ в кластере ‘печаль’. Эта субмодель представлена во всех сопоставляемых языках, однако семантические роли лексем из кластера ‘печаль’ в них существенно различаются.

Так, в казахском языке наименования печали выполняют роль Конечной точки в сочетании с глаголами падения или погружения в жидкую среду: *қайғыға түсу / шому / бату / батыру, мұңға бату* ‘впасть в печаль / погрузить в печаль / тонуть в печали’.

Например:

(7) *Президент бұл індетті адамзат жуық арада жеңе қоймайтынын, алайда уайым мен қайғыға батып, еңсені түсіруге болмайтынын да атап өтті* (Д. Анаш «Егемен Қазақстан» газеті, № 132 (29861), 13.07.2020).

‘Президент отметил, что человечество вряд ли сможет быстро победить эту эпидемию, однако не следует погружаться в тревогу и печаль, теряя силу духа’.

Семантическая роль Конечной точки может поддерживаться и прилагательными. Так, образ закрытого пространства, заполненного стоячей жидкостью, наподобие болота, поддерживается прилагательными цвета: *қайғы*, *мұң* → *қоңыр*, *қара* ‘печаль, грусть → коричневый, черный’; *уайым* → *сары* ‘тоска → желтый’.

Наименования печали также могут выступать в роли Пациенса: *кеудесін мұңға толтырды* ‘наполнил(а) его грудь грустью’.

В английском и немецком языках в кластере ‘печаль’ наиболее типичной является роль Эффектора (ср. сомнительное в казахском: **Мұң жүрекке құйылды* ‘Грусть влилась в сердце’). Образ эмоции-стихии создается с помощью глаголов, описывающих интенсивное движение волны сверху вниз (англ. *wash over*) или глаголов со значением неконтролируемого заполнения пространства жидкостью (нем. *erfüllen*):

(8) *Sadness washed over my being, enveloping me* (<https://www.brainline.org/blog/permission-tell-truth/three-truths>).

‘Грусть нахлынула на всё моё существо, окутывая меня’.

(9) *Ein tiefe Traurigkeit erfüllte ihn* (<https://modding-union.com/index.php/topic,3742.0.html?PHPSESSID=8t71mrjfuf227v3noqj5klk77>).

‘Глубокая печаль охватила его’.

В русском языке в этом же кластере наблюдается наибольшее разнообразие выполняемых семантических ролей. Это может быть Конечная точка (*впадать в уныние, погрузиться в печаль*):

(10) *Но однажды всю домашнюю библиотеку испахал вдоль и поперек и готов был погрузиться в беспросветную печаль от вынужденного простоя.* (А.Б. Белов. Пассажиры бумажного кораблика (2009) // «Волга», 2010).

Некоторые русские наименования печали также могут выступать в роли Пациента/Средства: *излить тоску на кого-либо*. Здесь мы должны подчеркнуть, что далеко не все русские наименования печали могут использоваться в этой роли (**наполнить душу унынием*). В подобных контекстах создается образ эмоции-жидкости, которой кто-либо манипулирует – вливает в «сосуд» (человека, сердце, душу), т. е. навязывает это переживание другому человеку, или, наоборот, выливает ее, т. е. освобождает себя от этого переживания. В этом кластере также возможна роль Эффектора для некоторых русских лексем – *тоска, печаль*, но опять же не *уныние* (*Тоска наполнила сердце*).

Таким образом, в четырех языках одна метафорическая субмодель на уровне семантических ролей проявляется по-разному. Соответственно, складываются и разные метафорические образы эмоции-жидкости: закрытого пространства, из которого трудно выбраться; средства, которым манипулируют; неконтролируемой стихии. В русском языке представлены все семантические роли, но разные русские наименования печали проявляют тенденцию к ролевому распределению. Обобщение наших наблюдений предлагается в табл. 3.

Таблица 3

ЭМОЦИЯ – ЖИДКОСТЬ: распределение семантических ролей в кластере ‘печаль’

Семантическая роль	Казахский язык	Русский язык	Английский язык	Немецкий язык
‘печаль’				
Конечная точка	<i>қайғы, мұң, уайым, қасірет, зарлық</i>	<i>тоска, уныние, печаль, грусть</i>		
Пациент/Средство	<i>қайғы, мұң</i>	<i>тоска, печаль, грусть</i>		
Эффектор		<i>тоска</i>	<i>sadness</i>	<i>Traurigkeit</i>

Заключение

На данном этапе работы мультязычная база данных «Эмоции в метафорическом представлении» включает 551 пример, отобранный из корпусных источников казахского, русского, английского и немецкого языков. Все примеры размечены по параметрам: метафорические модели и субмодели, семантические роли наименований эмоций и тематические классы глаголов и прилагательных. Единая психологическая основа выделения зон-источников (базовых эмоций) и унифицированная разметка позволяют сопоставлять метафоры эмоций, функционирующих в четырех языках.

В процессе создания базы данных нами был осознанно допущен ряд методологических ограничений, обусловленных как теоретическими рамками, так и практическими соображениями. Во-первых, предметом анализа стали только базовые эмоции (гнев, страх, печаль, радость, удивление и отвращение). Во-вторых, в базу данных попали примеры с наиболее частотными и стилистически нейтральными существительными, обозначающими эмоции. В-третьих, база содержит только метафорические контексты, где используются отобранные до этого наименования эмоций.

Соответственно, база данных «Эмоции в метафорическом представлении» отражает лишь часть метафорического разнообразия выбранных языков. Однако даже при перечисленных ограничениях она уже может служить эффективным инструментом для выдвижения и проверки различных исследовательских гипотез. Кроме того, предлагаемый ресурс обладает значительным потенциалом для дальнейшего расширения и совершенствования: его структура позволяет в перспективе добавлять новые эмоциональные состояния, языки, контексты и дополнительную аннотацию.

Список источников

1. Гагарина Д.А. Базы данных: модели, структуры, связанные данные // Цифровые гуманитарные исследования : монография / А.Б. Антопольский, А.А. Бонч-Осмоловская, Л.И. Бородкин [и др.]. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2023. С. 100–119.

2. Мультиязычная база данных «Эмоции в метафорическом представлении». URL: <https://tranquil-emotion7.netlify.app/> (дата обращения: 20.06.2025).
3. *ATT-Meta* (**ATT**itudes and **Meta**phor-based) Project: Metaphor, metonymy and mental states. URL: <https://johnbarnden.github.io/ATT-Meta/> (дата обращения: 06.06.2025).
4. Barnden J., Glasbey Sh., Lee M., Wallington A. Reasoning in metaphor understanding: The ATT-Meta approach and system. URL: https://www.researchgate.net/publication/221102189_Reasoning_in_Metaphor_Understanding_The_ATT-Meta_Approach_and_System (дата обращения: 13.05.2025).
5. *Metaphor* map of English. URL: <https://mappingmetaphor.arts.gla.ac.uk> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Hamilton R., Bramwell E., Hough C. Mapping metaphor with the historical thesaurus: A new resource for investigating metaphor in names // Names and Their Environment : Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences. Glasgow, 25–29.08.2014. P. 33–40.
7. *Lexicon Translaticium Latinum* (LTL). URL: <https://latinwordnet.exeter.ac.uk/lexicon?query=emotion> (дата обращения: 14.05.2025).
8. Fedriani Ch., Felice I., Short M. The digital lexicon translaticium latinum: Theoretical and methodological issues // La svolta inevitabile: sfide e prospettive per l'informatica umanistica. 2020. P. 106–112.
9. *Figurative Archive*. URL: <https://neplab.shinyapps.io/FigurativeArchive/> (дата обращения: 13.05.2025).
10. Bressler M., Mangiaterra V., Canal P., Frau F., Luciani F., Scalingi B., ... & Bambini V. Figurative Archive: An open dataset and web-based application for the study of metaphor. URL: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.00444> (дата обращения: 13.05.2025).
11. *Catalogue of Semantic Shifts* (CSSh). URL: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения: 14.05.2025).
12. Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // Linguistics. 2012. Vol. 50, iss. 3. P. 633–669.
13. Юрина Е.А. Словари русской пищевой метафоры: новые форматы лексикографической презентации // Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии : международная коллективная монография / отв. ред. М.И. Чернышева. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022. С. 195–218.
14. Carroll E. *Izard puman ymotions*. New York : Springer New York, 1977. 496 p.
15. Ekman P. Basic emotions // Handbook of Cognition & Emotion. New York : Wiley, 1999. P. 45–60.
16. Ortony A., Turner T.J. What's basic about basic emotions? // Psychological Review. 1990. Vol. 97 (3). P. 315–331.

17. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии : учеб. пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций» для студ., магистрантов и асп. Ин-та иностр. яз. Волгогр. гос. пед. ун-та. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
18. Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 63–88.
19. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/thesaurus/> (дата обращения: 17.05.2025)
20. Бизақов С. Синонимдер сөздігі. Алматы : «Арыс» баспасы, 2007. 640 б.
21. Synonymwörterbuch. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 17.05.2025)
22. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник: ок. 11 000 синонимических рядов. М. : Рус. яз., 2001. 568 с.
23. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 18.05.2025).
24. English Web 2021 (enTenTen21). URL: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Fententen21_tt31 (дата обращения: 18.05.2025).
25. Алматинский корпус казахского языка. URL: <http://web-corpora.net/> (дата обращения: 18.05.2025).
26. Turkic Web-Kazakh. URL: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Fturkic_kz (дата обращения: 18.05.2025).
27. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 18.05.2025).
28. German Web 2023 (deTenTen23). URL: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Fdetenten23_rft3 (дата обращения: 18.05.2025).
29. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.05.2025)
30. Russian Web2020 (ruTenTen20) https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Frutenten20_rft3 (дата обращения: 18.05.2025).
31. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. The University of Chicago Press, 1981. 242 p.
32. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
33. Kövecses Z. Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling. Cambridge University Press. 2000. 242 p.
34. Lakoff G., Espenson J, Schwartz A. Master metaphor list. Second draft copy. University of California at Berkeley, 1991. 215 p.
35. Misra V. The descriptive technique of Panini: An introduction. The Hague : Mouton, 1966. P. 175.
36. Fillmore C.J. The case for case // Universals in Linguistic Theory. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1968. 88 p.

References

1. Gagarina, D.A. (2023) Bazy dannykh: modeli, struktury, svyazannye dannye [Databases: models, structures, linked data]. In: Antopol'skiy, A.B. et al. (eds) *Tsifrovyye gumanitarnyye issledovaniya* [Digital Humanities Research]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet. pp. 100–119.
2. *Mul'tiyazychnaya baza dannykh "Emotsii v metaforicheskom predstavlenii"* [Multilingual Database "Emotions in Metaphorical Representation"]. [Online] Available from: <https://tranquil-emotion7.netlify.app/> (Accessed: 20.06.2025).
3. *ATT-Meta (ATTitudes and Metaphor-based) Project: Metaphor, metonymy and mental states*. [Online] Available from: <https://johnbarnden.github.io/ATT-Meta/> (Accessed: 06.06.2025).
4. Barnden, J., Glasbey, Sh., Lee, M. & Wallington, A. (n.d.) *Reasoning in Metaphor Understanding: The ATT-Meta Approach and System*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/221102189_Reasoning_in_Metaphor_Understanding_The_ATT-Meta_Approach_and_System (Accessed: 13.05.2025).
5. *Metaphor map of English*. [Online] Available from: <https://mappingmetaphor.arts.gla.ac.uk> (Accessed: 13.05.2025).
6. Hamilton, R., Bramwell, E. & Hough, C. (2014) Mapping metaphor with the historical thesaurus: A new resource for investigating metaphor in names. *Names and Their Environment: Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences*. Glasgow. 25–29.08.2014. pp. 33–40.
7. *Lexicon Translativum Latinum (LTL)*. [Online] Available from: <https://latinwordnet.exeter.ac.uk/lexicon?query=emotion> (Accessed: 14.05.2025).
8. Fedriani, Ch., Felice, I. & Short, M. (2020) The digital lexicon translativum latinum: Theoretical and methodological issues. *La svolta inevitabile: sfide e prospettive per l'informatica umanistica*. S.l. pp. 106–112.
9. *Figurative Archive*. [Online] Available from: <https://neplab.shinyapps.io/FigurativeArchive/> (Accessed: 13.05.2025).
10. Bressler, M. et al. (2025) *Figurative Archive: An open dataset and web-based application for the study of metaphor*. [Online] Available from: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.00444> (Accessed: 13.05.2025).
11. *Catalogue of Semantic Shifts (CSSh)*. [Online] Available from: <https://datsem.shift.ru/> (Accessed: 14.05.2025).
12. Zaliziak, Anna A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T. & Russo, M. (2012) The Catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *Linguistics*. 50 (3). pp. 633–669.
13. Yurina, E.A. (2022) Slovari russkoy pishchevoy metafory: novye formaty leksikograficheskoy prezentatsii [Dictionaries of Russian food metaphor: new formats of lexicographic presentation]. In: Chernysheva, M.I. (ed.) *Sovremennoe razvitiye slavyanskoy leksikologii i leksikografii: mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya*

- [Modern Development of Slavic Lexicology and Lexicography: International Collective Monograph]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, RAS. pp. 195–218.
14. Carroll, E. & Izard, R. (1977) *Human Emotions*. New York: Springer New York.
 15. Ekman, P. (1999) Basic emotions. In: *Handbook of Cognition & Emotion*. New York: Wiley. pp. 45–60.
 16. Ortony, A. & Turner, T.J. (1990) What's basic about basic emotions? *Psychological Review*. 97 (3). pp. 315–331.
 17. Shakhovskiy, V.I. (2009) *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and Emotions in the Aspect of Linguoculturology]. Volgograd: "Peremena".
 18. Apresyan, V.Yu. (2011) Opyt klasternogo analiza: russkie i angliyskie emotsional'nye kontsepty [Experience of cluster analysis: Russian and English emotional concepts]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 63–88.
 19. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/thesaurus/> (Accessed: 17.05.2025).
 20. Bizakov, S. (2007) *Sinonimder sozdigi* [Dictionary of Synonyms]. Almaty: "Arys" baspasy. (In Kazakh).
 21. *Synonymwörterbuch*. [Online] Available from: <https://www.duden.de/woerterbuch> (Accessed: 17.05.2025).
 22. Aleksandrova, Z.E. (2001) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: prakticheskiy spravochnik: ok. 11 000 sinonimiicheskikh ryadov* [Dictionary of Russian Synonyms: A Practical Handbook: Approximately 11,000 Synonymous Rows]. Moscow: Russkiy yazyk.
 23. *British National Corpus*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (Accessed: 18.05.2025).
 24. *English Web 2021 (enTenTen21)*. [Online] Available from: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Fententen21_tt31 (Accessed: 18.05.2025).
 25. *Almatinskiy korpus kazakhskogo yazyka [Almaty Corpus of the Kazakh Language]*. [Online] Available from: <http://web-corpora.net/> (Accessed: 18.05.2025).
 26. *Turkic Web-Kazakh*. [Online] Available from: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Fturkic_kz (Accessed: 18.05.2025).
 27. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. [Online] Available from: <https://www.dwds.de/> (Accessed: 18.05.2025).
 28. *German Web 2023 (deTenTen23)*. [Online] Available from: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Fdetenten23_rft3 (Accessed: 18.05.2025).
 29. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/> (Accessed: 18.05.2025).
 30. *Russian Web 2020 (ruTenTen20)*. [Online] Available from: https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=preloaded%2Frutenten20_rft3 (Accessed: 18.05.2025).
 31. Lakoff, G. & Johnson, M. (1981) *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press.

32. Paducheva, E.V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Lexical Semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
33. Kövecses, Z. (2000) *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
34. Lakoff, G., Espenson, J. & Schwartz, A. (1991) *Master Metaphor List*. Second draft copy. Berkeley: University of California at Berkeley.
35. Misra, V. (1966) *The Descriptive Technique of Panini: An Introduction*. The Hague: Mouton.
36. Fillmore, C.J. (1968) The case for case. In: *Universals in Linguistic Theory*. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Сведения об авторах:

Кожяхметова Асель Сабырбековна – доктор философии (PhD), постдокторант Гуманитарной школы Университета Нархоз; доцент кафедры иностранных языков Пограничной академии КНБ Республики Казахстан (Алматы, Казахстан).
E-mail: a.kozhakhmetova@narхоз.kz

Казкенова Аимгуль Каирбековна – канд. филол. наук, профессор Гуманитарной школы Университета Нархоз (Алматы, Казахстан).
E-mail: aimgul.kazkenova@narхоз.kz

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Assel S. Kozhakhmetova, Doctor of Philosophy (PhD), postdoctoral fellow of the School of Arts and Social Sciences, Narхоз University (Almaty, Kazakhstan); associate professor, Department of Foreign Languages, Border Academy of the National Security Committee of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan). E-mail: a.kozhakhmetova@narхоз.kz
Aimgul K. Kazkenova, Cand. Sci. (Philology), professor of the School of Arts and Social Sciences, Narхоз University (Almaty, Kazakhstan).
E-mail: aimgul.kazkenova@narхоз.kz

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.06.2025;
одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 11.11.2025*

*The article was submitted 23.06.2025;
approved after reviewing 29.10.2025; accepted for publication 11.11.2025*

СЛОВАРЬ И КОРПУС DICTIONARY AND CORPUS

Научная статья
УДК 811.161.1'37
doi: 10.17223/22274200/38/5

О жизни лексемы «формат» в русском языке: лексикографическое описание vs корпусные данные

Наталья Александровна Мишанкина¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, mishankina@ido.tsu.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа семантики лексемы *формат* на материале словарей (15 словарных статей) и данных НКРЯ (3650 контекстов). Выявлена недостаточность лексикографической фиксации единицы, ее более широкая функциональная семантика. Описаны два направления развития на основе семантических компонентов *размер* и *стиль*. В рамках второго отмечено появление оценочного значения и антонимической пары, не зафиксированной в толковых словарях русского языка. Отмечена тенденция к десемантизации лексемы.

Ключевые слова: лексема формат, лексикографическая практика, корпусное исследование, Национальный корпус русского языка, функциональная семантика

Благодарности. Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Мишанкина Н.А. О жизни лексемы «формат» в русском языке: лексикографическое описание vs корпусные данные // Вопросы лексикографии. 2025. № 38. С. 94–116. doi: 10.17223/22274200/38/5

Original article

On the life of the lexeme "format" in the Russian language: Lexicographic description vs. corpus data

Natalya A. Mishankina¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
mishankina@ido.tsu.ru*

Abstract. This article attempts to identify discrepancies in the lexicographic description and textual functioning of the lexeme "format" and to present a complete description of its meaning using lexicographic sources (15) and the Russian National Corpus data (3,650 contexts). The methodology combines a traditional linguistic approach to semantic analysis through lexicographic sources and a corpus-based approach. The study utilizes definitional and contextual analysis, semantization techniques, quantitative analysis for calculating meanings, and comparative analysis. The study yielded the following results. The first dictionary entry for a specialized meaning was recorded in the 19th century. By the mid-20th century, the lexeme developed terminological polysemy without extending beyond the professional sublanguage of book publishing. By the end of the 20th century, a new meaning from the field of computer science began to emerge. Specialized sources consistently reflect the terminological polysemy of the lexeme under study, but descriptions of non-specialized meanings are recorded only in the early 19th century, despite their earlier appearance in texts. Corpus data reveal a clearly broader functional semantics – approximately 20 contextual meanings/shades. The lexeme "format" began its use in the 18th century with a narrowly specialized meaning, but gradually became polysemic, appearing in texts by the end of the 18th century with the meaning "style of speech, writing." By the first third of the 20th century, a system of meanings unified by the semantic component "size" was finally formed, from which metaphorical meanings with the component "significance" were derived. From the late 18th century, a system of meanings unified by the semantic component "style, manner" began to emerge, serving as the basis for the formation of a group of variants with the dominant components "method of presentation" and "method of organization," and then "standard." Within this system, an obvious evaluative meaning emerges, giving the lexeme an antonymic pair in the form of the single-root antonym "neformat." At the end of the 20th century, another subsystem of meanings emerged, united by the semantic component "technology," likely formed through a semantic calque of the English term. Since the early 2000s, the prepositional-case combination "format" has become active, gradually desematizing and possibly becoming a preposition

in the future. The study suggests that lexicographic sources do not reflect the full spectrum of the lexeme's functional semantics, describing primarily only specialized meanings united by the semantic components "size" and "technology."

Keywords: lexeme format, lexicographic practice, corpus research, Russian National Corpus, functional semantics

Acknowledgments. The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2025-0016.

For citation: Mishankina, N.A. (2025) On the life of the lexeme "format" in the Russian language: Lexicographic description vs. corpus data. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 38, pp. 94–116. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/38/5

Постановка проблемы

Значение лексических единиц, их «знаковая судьба» в речевом пространстве тесно связаны с коммуникативными потребностями людей и, соответственно, с функционированием в речи. Это свойство языкового знака отмечали еще отцы-основатели системно-структурного подхода. Ф. де Соссюр, размышляя о постоянстве и изменчивости языкового знака, писал: «Каковы бы ни были факторы изменения, действуют ли они изолированно или в сочетании друг с другом, они всегда приводят к *сдвигу отношения между означаемым и означающим*» [1. С. 107]. Эта идея последовательно развивается С.О. Карцевским, автор определяет как наиболее подвижную именно семантическую сторону знака, находящуюся в постоянной зависимости от коммуникативной ситуации: «...всякий раз, когда мы применяем слово как семантическую значимость к реальной действительности, мы покрываем более или менее новую совокупность представлений» [2. С. 88], одновременно отмечая непредсказуемость направлений семантической трансформации. Названное свойство определяет индивидуальность судьбы каждой лексической единицы: ее вхождение в лексическую систему связано с узуальным варьированием, «конкуренцией» с другими единицами, влиянием экстралингвистических факторов, которые невозможно прогнозировать.

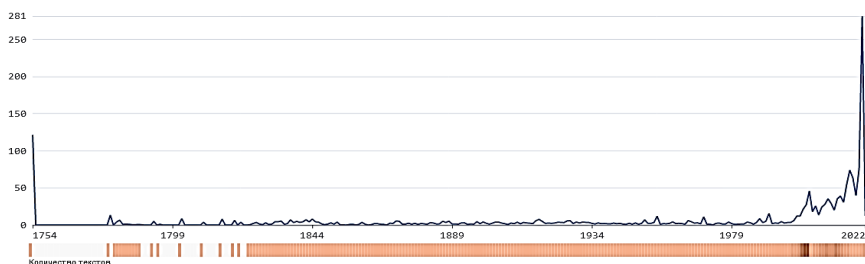

Рис. 1. Распределение частотности контекстов лексемы *формат* в Основном корпусе НКРЯ

Вопрос о лексикографической фиксации семантических трансформаций слова всегда был сложным из-за невозможности зафиксировать все контексты его функционирования, но появление новых ресурсов – лингвистических корпусов – позволяет снять эту проблему. В нашем случае мы обращаемся к лексикографической «судьбе» и функциональной «жизни» лексемы *формат* в современном русском языке в связи с ее активным функционированием в самом широком спектре текстов, что показывает распределение частотности контекстов, включающих эту единицу, в Национальном корпусе русского языка [3] (см. рис. 1).

В рамках настоящей работы предпринимается попытка выявить расхождение в лексикографическом описании и функциональной семантике лексемы *формат*, представить полное описание на основе данных НКРЯ.

Методология, методы и материал

Методологические основания исследования объединяют традиционный лингвистический подход к анализу семантики лексической единицы путем обращения к лексикографическим источникам и подход, основанный на использовании корпусных данных, включая инструментарий статистической обработки. Таким образом, в исследовании применены методика, объединяющая дефиниционный анализ и анализ контекстов, полученных из НКРЯ, прием семантизации при формулировании значения, представленного в контекстах, количест-

венный анализ при подсчете значений, сравнительно-сопоставительный анализ.

Общий объем выборки составил: 15 словарных статей, 3650 контекстов из НКРЯ.

Результаты

1. Семантика лексемы *формат* на основе словарных данных

Первые попытки описания встречаются в словарях иностранных слов еще в XIX в. В словаре А.Д. Михельсона лексема определяется так: ‘ФОРМАТ франц. format, от forme, лат. forma, форма. Размер предмета’ [4]. В словарях начала XX в. [5–8] она имеет более конкретное, специализированное значение: размер, величина листа бумаги, книги и т. п.

Более детально ее значение представлено в Толковом словаре Д.Н. Ушакова: ‘ФОРМА́Т, формата, муж. (от лат. forma). 1. Размер книги, листа, карточки и т. п. *Книга большого формата*. 2. Длина и высота полосы набора, длина строки (тип.). *Соблюдать формат. Нарушить формат*. 3. Образец для копировки (спец.)’ [9]. Как можно убедиться, лексема *формат* к середине XX в. развивает полисемию в направлении специализированных значений, не выходя, впрочем, за рамки профессионального языка.

Однако созданные позднее словари иностранных слов [10–12] начинают фиксировать значение из новой профессиональной области – информатики: ‘Формат, а, м. (нем. Format, фр. format < лат. – см. форма). 1. Размер печатного издания, тетради, листа и т.п. *Книга большого формата*. 2. В сочетании: **формат данных** (инф.) – способ расположения и представления информации в памяти ЭВМ или на внешнем носителе (диске, дискете и т. п.)’ [12].

Лексема *формат* в специализированных значениях более последовательно начинает отражаться в терминологических словарях и справочниках, фиксируется в ГОСТах:

‘ФОРМАТ (от нем. format, фр. format < лат. forma – вид, наружность) – 1) характеристика размеров листов полиграфических материалов, готовых продуктов или полуфабрикатов, напр., оригинала, фотопленки, печатной бумаги, набранного текста, газеты, бумажного листа, издания, его полосы и т. п.; выражается условным обозначением (A2, A4) или произведением размеров сторон (60 × 90); 2) форма представления массива данных (файла) иллюстрации, текста, полосы в допечатной компьютерной издательской системе; указывает на возможность обработки данных с использованием тех или иных программных и аппаратных средств’ [13].

‘ФОРМАТ (1) информации – конструкция языка *программирования*, определяющая правила размещения текстовой информации при её выдаче на печать или экран дисплея. Ф. определяет структуру команд; (2) Ф. кадра (телевизионного изображения) – номинальное отношение ширины телевизионного изображения к его высоте; (3) Ф. чертежа – стандартные размеры сторон листа бумаги для выполнения чертежей’ [14].

‘формат* [format]: Определенная организация (или макет) текста в печатном виде или отображенной на экране форме, или записанного на носителе данных’ [15].

Таким образом, специализированные источники отражают терминологическую полисемию исследуемой лексемы.

Толковые словари русского языка до начала XXI в. фиксируют те же значения. Но изданный в 2001 г. Большой толковый словарь дает более широкий спектр значений:

‘ФОРМАТ, -а; м. [нем. Format]. 1. Размер тетради, листа, карточки и т. п. *Малый ф. Большой ф. Ф. книги, альбома. Снимки обычного формата. Листы разных форматов.* 2. Типогр. Величина, характеризующая длину полной строки и высоту полосы набора. 3. Проф. Совокупность отличительных особенностей радиопередачи, телепрограммы, определяемая формой подачи сведений, манерой изложения, подбором тем и т. п. *Ф. телевизионной передачи. Ф. радиостанции не позволяет делать обширные политические обзоры.* 4. Информ. Ограничения, накладываемые на способ расположения и представления данных в памяти компьютера. *Разработать новый ф. данных. Представить текстовые данные в требуемом формате. Этот ф. видео имеет высокое качество изображения и звучания.* 5. Разг. О телосложении человека (обычно крупного, полного). *Дама весьма крупного формата*’ [16].

Однако обращение к текстовым источникам показывает еще более широкий спектр полисемии. Кроме того, в современных текстах появляется антонимичная единица – *неформат*, которая, как представляется, не может выступать как антоним ни к одному из представленных в словаре значений. Эта лексикографическая неясность, связанная с лексемой *формат*, послужила основанием для обращения к ресурсам НКРЯ.

2. Семантика лексемы формат на основе данных НКРЯ

По данным НКРЯ, лексема *формат*, несмотря на очевидно специализированное значение, функционирует по преимуществу в сфере публицистики. На рис. 2 представлены данные из соответствующего раздела корпуса.

Автор	Пол	Сфера функционирования	Тип текста	Тематика текста	Жанр текста	Стиль	Вид текста
№	Значение атрибута		Тексты		Исходная		ИРМ
1	публицистика		1164		1806 (49,48%)		12,88
2	учебно-научная		319		675 (18,49%)		15,28
3	художественная		282		434 (11,89%)		2,73
4	бытовая		152		201 (5,51%)		5,96
5	реклама		85		189 (5,18%)		223,92
6	электронная коммуникация		57		166 (4,55%)		49,08
7	официально-деловая		74		158 (4,33%)		29,39
8	производственно-техническая		25		54 (1,48%)		32,94
9	церковно-богословская		4		4 (0,11%)		0,76

Рис. 2. Сфера функционирования лексемы формат по данным НКРЯ

Анализ контекстов показал около 20 контекстуальных значений/оттенков значений лексемы *формат*. Корпусные данные позволили выявить следующее распределение значений лексемы, представленное на рис. 3.

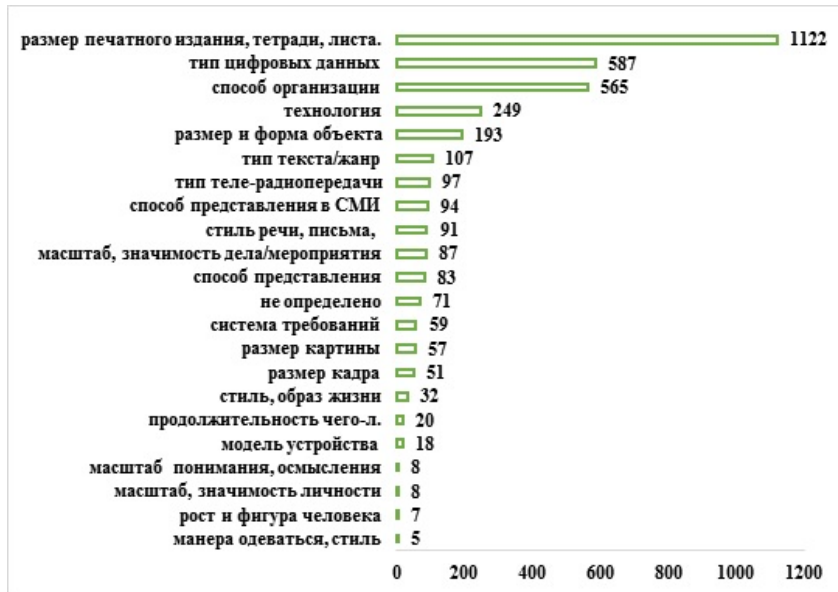
Рис. 3. Количественное распределение контекстуальных значений лексемы *формат* по данным НКРЯ

Таблица 1

**Период функционирования лексемы *формат*
в данном контекстуальном значении**

Контекстуальное значение	Период
Масштаб, значимость личности	1905–2016
Масштаб понимания, осмысления чего-либо	1917–2017
Рост и фигура человека	1865–2011
Манера одеваться, стиль	1839–2015

Как можно убедиться, лексема *формат*, действительно, имеет широкий семантический функционал. Обратим внимание на низкочастотные значения, которыми, казалось бы, можно пренебречь в силу нерегулярности их употребления, но обращение к датировке текстов показало, что эти значения реализуются на значительном временном промежутке, что позволяет отнести их к периферийным, но все же регулярным вариантам. В табл. 1 представлены периоды, на протяжении которых они встречаются.

Далее мы распределили выявленные значения по группам на основе доминирующей семантики и определили год первого текста, в котором обнаружена лексема *формат* в этом значении. В табл. 2 представлены результаты распределения.

Рассмотрим представленные в табл. 2 группы и отдельные значения более детально.

1. Размер/форма

1.1. Размер печатного издания, тетради, листа и т. п.

Это значение, зафиксированное в словарях, оказалось наиболее частотным (31% от числа всех контекстов). В этом значении лексема встречается еще в текстах XVIII в.: *Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы в Академии начались подобные сим периодические сочинения <...> дабы одна или две-три материи содержались в книжке и в меньшем формате, чему много имеем примеров в Европе...* М.В. Ломоносов. Письмо И.И. Шувалову (1754.01.03). Оно активно функционирует до настоящего времени.

Таблица 2

Распределение значений лексемы *формат* по доминирующему семантическому компоненту

Доминирующий компонент	Контекстуальное значение	Год первого упоминания
Размер/форма	Размер печатного издания, тетради, листа и т. п.	1754
	Размер картины	1860
	Рост (размер) и фигура человека	1865
	Размер и форма объекта	1872
	Размер кино- фотокадра	1927
Масштаб/ значимость	Масштаб, значимость личности	1905
	Масштаб понимания, осмысления	1917
	Масштаб, значимость дела/мероприятия	1918
Стиль	Стиль речи, письма,	1789
	Манера одеваться, стиль	1839
	Стиль, образ жизни	1889
Способ представления	Способ представления информации в издании/СМИ	1927
	Способ представления	1966
	Тип текста/жанр/объем	1975
	Тип теле-радиопередачи	1996
Способ организации, стандарт	Способ организации	1930
	Продолжительность чего-либо	1995
	Система требований	2001
Технология	Технология	1991
	Тип цифровых данных	1995
	Модель устройства	2000

1.2. Размер картины

Контекстуальное значение метафорического типа, образованное на основе семантического компонента 'размер': *Подле этой картины недавно еще выставлена другая небольшого формата*. В.Н. Чemezov. Дневник (1860). Далее это значение регулярно встречается в текстах

на протяжении полутора веков и получает развитие в современном профессиональном языке искусствоведения: *...форма и размер плоскости, на которой выполняется изображение. <...> Самый распространённый **картинный формат** – прямоугольный, реже – квадратный. В некоторые эпохи были распространены овал (барокко, рококо) и тondo – круг (эпоха Возрождения). **Формат** тесно связан с содержанием картины, её композиционным построением. <...> Выбор **формата** также зависит от живописной техники художника – чем свободнее мазки, тем больше мастер тяготеет к **крупному формату*** [17]. Однако в дефиницию внесено уточнение, дополнен спектр семантических компонентов, из чего следует, что в рамках профессионального языка термин *формат* начинает обозначать не только внешние параметры произведения, но и некоторые содержательные аспекты.

1.3. Рост (размер) и фигура человека

В текстах XIX в. встречается значение оценочного типа, связанное с характеристикой внешнего облика человека. При этом, несмотря на незначительную частотность, этот ЛСВ получил отражение в словаре БТС [16]: *Моничка – кругленькая, **карманного формата брюнетка***. В.П. Авенариус. Бродящие силы. Современная идиллия (1865); *Его **формат** – почти под два метра в высоту, неширокие плечи, отсутствие какой бы то ни было талии...* А.Ю. Колобродов. Неактуальный юбилар. Новые сюжеты покойного писателя // «Волга», 2011. Полагаем, что в основе образования этого значения лежит концептуальная метафора, основанная на аналогии при оценке размера.

1.4. Размер и форма объекта

Употребление лексемы в значении, образованном на основе семантических компонентов ‘размер’ и ‘форма’, по отношению к любому предмету впервые фиксируется в 1872 г. в тексте Е.Л. Маркова «Очерки Крыма»: *... **лампады весьма странного формата** и в огромном множестве висят на деревянных треугольниках, как в мечетях*. И далее в значении ‘размер любого объекта’ встречается регулярно: *В затянутых в лайку руках он держал изящную бонбоньерку – **большого формата гнездо с голубями в перьях в натуральную величину...*** Ф.Ф. Тютчев. Кто прав? (Из одной биографии) (1892); *«Не угодно ли*

пипиросочку тонкого формата, Дмитрий Дорофеич? Л.М. Леонов. Барсуки (1924); *К сожалению, эти солдатики по формату не соответствовали оловянным....* А.Н. Бенуа. Жизнь художника (1955); *Застройщики разрабатывают и внедряют форматы квартир не только для семей с детьми, но также для пар и одиночек.* К. Малик, Л. Ширшова. «Я – синглтон». Почему людям для счастья больше не нужны отношения (2019.03). Таким образом, можно констатировать, что у лексемы *формат* формируется широкая абстрактная семантика атрибутивного типа.

1.5. Размер кино- и фотокадра

В первой трети XX в. возникает еще одно регулярно реализуемое профессиональное значение номинативного характера, связанное с появлением новой технологии и, соответственно, обозначением размера фотографического или кинематографического кадра: *Иллюстрирующие эту небольшую статью снимки произведены широкоугольным об'ективом с фокусным расстоянием в 12 см и при формате пластинки 13×18 см.* Ю.Ф.Б. Фотографические неожиданности // «В мастерской природы», 1927. Это значение зафиксировано в терминологическом словаре [14]. Полагаем, что оно является производным от значения 'размер картины', при этом в процессе развития технологий фото- и киносъемки формируется целая цепочка метонимических вариантов: *Мы делали экспериментальный фильм в формате 360 градусов с технически сложным процессом производства...* Е. Петухова. Б. Пиотровский: «С возрастом я понял, как вести себя, чтобы не сильно опозорить родителей» (16.07.2017).

Обобщая анализ этой группы контекстуальных значений, отметим, что последние новые варианты в ее рамках появились в первой трети XX в., вероятно, в связи с формированием общей атрибутивной семантики, связанной с характеристикой размера и формы физических объектов. В это же время формируется группа значений, связанных с оценкой абстрактных сущностей.

2. Масштаб/значимость

2.1. Значимость личности

Это значение формируется первым: *Может быть, окажется таким же «капитаном большие усы», только еще большего формата.*

С.Д. Мстиславский. Крыша мира (1905); *Маленький самовоспроизводящийся изобретатель Модерн-Кулибин всегда легко самовоспроизводился, но в маленьком формате, не увеличивался*. А. Резцов. Короткие истории // «Волга», 2016. Можно предположить, что в основе этого варианта лежит концептуальная метафора, получающая регулярное выражение в виде оценочных номинаций типа *большой/маленький; крупный/мелкий человек* при оценке характера.

2.2. Масштаб понимания, осмысления

Вероятно, на основе метонимического переноса формируется еще один контекстуальный вариант, номинирующий когнитивные способности: *Ох, события не по формату отдельного сознания!* А.Н. Бенуа. Дневник (1917); *Медикализация жизни, <...> существенно повлияла на содержание и форматы человеческого опыта...* О. Балла. Превращение боли в функцию разума // «Знание-сила», 2014.

2.3. Масштаб, значимость дела/мероприятия

Аналогичным образом семантический компонент ‘размер’ становится основанием для образования оценочного значения, характеризующего какое-либо дело: *Им бы заниматься коммерцией, а не государственным делом огромного формата!* А.Н. Бенуа. Дневник (1918); *Важным событием для целей развития правового просвещения в государственном формате стало принятие <...> Основ государственной политики Российской Федерации...* А. Третьяков. К вопросу о правовом просвещении обучающихся ... // «Культурологический журнал», 2017.

Итак, компонент ‘размер’ определил развитие семантической структуры лексемы *формат*. Но, как представляется, внутренняя форма этой единицы послужила основанием для развития семантики несколько в ином направлении, связанном с внешним видом, способом выражения чего-либо.

3. Стиль

3.1. Стиль речи, письма

Это контекстуальное значение обнаружено в текстах начиная с конца XVIII в. В этом случае речь идет как о внешней форме изложения мысли, ее «упаковке», так и о содержании: *Для лучшей удобства сии*

«Прибавления» издаваемы будут <...> понеделно, при субботних «Ведомостях», и **в пристойном для детей формате**. [Программы «Московских ведомостей»] (1789); Вдохнительное письмо ваше, почтенный Николай Иванович <...> благодарю за воспоминание, за дружбы, за хвалу, за упреки, **за формат этого письма** – все пока-зывает участие, которое принимает живая душа ваша, во всем что касается до меня. А.С. Пушкин. Письмо Н.И. Гнедичу (1821.03.24). В приведенных контекстах описан как способ подачи информации, так и смысл: в **пристойном для детей формате** – с исключением некоторых смысловых компонентов.

В рамках этой группы встречаются случаи, когда лексема *формат*, вероятно, по метонимическому принципу, обозначает только собственно содержательный план текста: Приходится менять **формат** на более желтый – ради привлечения читателей (прежде всего молодых) «Hufvudstadsbladet» косит под таблоид. Д. Циликин. Силу подлости и злобы одолеет дух добра // «Петербургский Час пик», 2003. В данном контексте речь идет об изменении содержательной направленности издания.

3.2. Манера одеваться, стиль

Второй вариант встречается в текстах XIX в. и связан с обозначением стиля одежды: Нынешнее – или теперешнее, не знаю, как правильнее сказать, – поколение, уже внуки мои, имея своих Галушкинских **в другом формате, то есть костюме**... Г.Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839); За год заботливое государство <...> разработает и утвердит новый **формат школьного костюма**. Л. Алябьева. Письмо редактора // «Теория моды», 2013.

3.3. Стиль, образ жизни

Изменения в манере одеваться, вероятно, ассоциативно связаны со сменой образа жизни разных поколений: На том основании, – продолжал управляющий, – что повсюду пошел **новый дух и формат**. Г.И. Успенский. Из цикла «Очерки переходного времени» (1889); ...Аркадий все более утверждался во мнении, что **формат наступающей эпохи**, неконцептуальной, чреватой идейным тупиком, позволяет действовать дерзко. А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019.

Полагаем, что эта группа значений метонимически связана с пониманием *формата* как способа представления информации в некотором речевом или интеллектуальном продукте.

4. Способ представления содержания

4.1. Способ представления информации в издании

Эта группа значений формируется в начале XX в. для номинации способа верстки – представления информации в периодическом издании, его семиотической организации: *В нынешнем году журнал перешел в ведение Сибкрайохотсоюза, изменив **формат***. А.Ч. Оригинальный журнал // Всемирный следопыт, 1927. Это значение сохраняется до настоящего времени, и даже расширяет сферу номинируемых объектов за счет включения ресурсов сети Интернет: *«Об утверждении требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и **формату** представления на нем информации»* (далее – приказ № 785). В.Ж. Ку克林, Г.С. Токарева. Вопросы информационного обеспечения российской системы образования // «Информационное общество», 2017.

4.2. Способ представления

Развиваясь по метонимическому принципу, лексема *формат* во второй половине XX в. начинает применяться для обозначения способа организации любого текста: *Выбрав какой-либо один **формат**, его следует постоянно придерживаться, иначе будет невозможна сплошная сортировка картотеки*. Наши консультации // «Химия и жизнь», 1966.

4.3. Тип текста/жанр/объем

Позже, в текстах 70-х гг. XX в., вероятно, за счет механизмов специализации формируется значение ‘тип текста, жанр’: *Толкования имеют формат – разный для разных таксономических категорий (таких, как действие, процесс, состояние, свойство и под*. Е.В. Падучева. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке (1975); *Мы считаем **формат** спора бесплодным*. А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019. В этом случае речь идет уже не о формальном представлении текста на плос-

кости листа, а о его внутренней организации, в том числе его объеме: *Это позволяет публиковать романы и другие произведения большого формата: пьесы, воспоминания.* Н. Кононова. Лицо Петербурга // «Ковчег», 1978.

4.4. Тип теле- и радиопередачи

В 90-е гг. XX в. формируется (или заимствуется способом семантического калькирования?) еще один, близкий к предыдущему вариант, получивший отражение в лексикографической практике [16]: *Впрочем, в планах первого канала – создание новой по содержанию и формату итоговой программы недели.* Н. Осипова. Реформа информационного вещания ОРТ // «Коммерсантъ-Daily», 20.01.1996. С одной стороны, лексема *формат* может обозначать жанровые параметры медиапродукта, но, с другой – его содержательно-тематический план: *Последние дни я очень жалею, что работаю с криминальной хроникой и интервью с тобой просто невозможно вставить в формат моей программы.* М. Милованов. Рынок тщеславия (2000). В некоторых же контекстах формат и жанр маркируются как разные способы представления: *По-прежнему аудитория хочет новых жанров и форматов.* М. Кузина. Константин Эрнст: «Мы научились не получать бюджетные средства» (2002) // «Известия», 24.09.2002; *На мой взгляд, залог успеха «вДудя» – это острый формат интервью с людьми, которые заслуживают внимания.* Как Юрий Дудь изменил российский YouTube? // Афиша Daily, 2018.

Таким образом, в рамках группы значений, связанных со способом представления информации, наблюдается развитие от внешней организации текста к организации содержательной, что приводит к формированию значения, синонимичного термину «жанр».

5. Способ организации, стандарт

5.1. Способ организации

Значение ‘способ представления информации, организации текста’ метонимически близко к значению ‘способ организации’, начавшему функционирование примерно в то же время – в начале XX в.: *А иные не согласны: вишь, фабрика-то в этакое, в теперешнее, конечно, формате годов шестьдесят орудует ...* И.Г. Гольдберг. Поэма о фар-

форовой чашке (1930); Спортивные **соревнования** по интерактивному футболу могут проводиться в индивидуальном **формате** (1×1), группах или командах (от 2×2 до 11×11). Правила вида спорта «футбол» (утв. приказом Минспорта России от 17.11.2021 № 901) (2021).

5.2. Продолжительность чего-либо

Вероятно, в рамках этого же варианта формируется специализированное значение, связанное с оценкой продолжительности информационного продукта, мероприятия: *Мы должны понимать, как формируется наш главный показатель – себестоимость в реальном масштабе времени, желательно даже в формате суток.* А. Козицын. У металлургов с государством общие цели, но разные методы // «Металлы Евразии», 2004.

5.3. Система требований

В начале XXI в. появляется еще одно значение, отмеченное в работе Г.Я. Солганика: ‘Совокупность характеристик, признаков, определяющих соответствие норме, правилам какого-либо мероприятия, события, явления и т. п.’ [18]. Полагаем, что в его рамках формируется некоторая оценочная направленность, которая подтверждается:

1) возможностью употребления с самым широким кругом денотатов: *Старики не в «формате», умирать надо молодым.* И. Безладнова. Дина // «Звезда», 2003; *И при найме мы смотрим на два параметра: профессиональные навыки и, что называется, формат – насколько внутренние ценности человека коррелируют с ценностями и духом компании.* Е. Белоусова, А. Матвеева. Живая обертка // «Эксперт», 2014; *Там солянку давали. Водку там тоже давали. Новое заведение скромней. Это называется «формат».* А. Пермяков. Темная сторона света // «Волга», 2013; *Они по привычке уже сами поддерживают формат «заказухи».* С. Кешишев. Как превратить отечественное телевидение в реальный бизнес // «Отечественные записки», 2003.

2) употреблением без вербализации денотата: *Я не генерал и не министр. Редко попадаю в формат. Будьте ко мне снисходительней.* И. Найденов, М. Ибрагимов: «Совсем другой мебель» // «Русский репортер», № 34 (212), 2011; *Ее проблемы. Вот как? Значит, все порвано-разломато? <...> Ну и правильно: не твой формат.* Ю.М. Поля-

ков. Любовь в эпоху перемен, **2015**; *Мода начинает диктовать свои правила, и вот уже Обама и папа римский подстраиваются под «формат»*, идут на поводу у толпы, делая селфи. Л.А. Сычева. Искушение цифрой // «Московский комсомолец» № 26868, **2015**.

3) образованием антонимической пары в виде однокорневого антонима: *Рабочий и Колхозница в стране, занимающей третье место в мире по количеству миллиардеров, это... **неформат**. А что же тогда формат? Банкир и Проститутка. Думаю, их здесь и поставят.* Д.Н. Каралис. Дневник (**2009**); *Интересным показался разговор о «неформате» <...> Всё чаще звучит критика в адрес серийности творчества, попытки запихнуть автора в формат и падения, в связи с этим, качества произведений.* Н. Якушина. РосКон-2012 // Litera_Днепр, **2012**; *Это особое зрение – корпоративной оптики: все делится на «свое» и «чужое». <...> Одни истолковывают все по принципу «формат – неформат». Другие на свой лад: «пацаны не поймут».* Л. Калянина, В. Кузьмина. «Мы привязаны к человеку и его потребностям» // «Эксперт», **2015**.

Несмотря на функционирование лексемы *неформат* в текстах, словари русского языка эту единицу не фиксируют. В энциклопедии «Альтернативная культура» представлено следующее толкование: «Неформат (фр. format, от лат. formatus – сформированный) 2) внутренний термин телевидения и FM-радиостанций, обозначающий любой материал – чаще музыкальный, – неприемлемый для трансляции по соображениям «формата» того или иного СМИ: редакционной политики, определенных стилистических или вкусовых пристрастий слушателей, зрителей, читателей и т. п.» [19]. Подобное определение свидетельствует, скорее, о жаргонном статусе единицы, однако позволяет идентифицировать значение, антонимичное представленному в работе Г.Я. Солганика.

В значении ‘соответствие/несоответствие системе требований’ обе лексемы имеют очевидную контекстуально обусловленную оценочную семантику, функционируя по преимуществу в качестве предиката и утрачивая полноценную грамматическую парадигму, т. к. нам не встретилось ни одного контекста с формами множественного числа.

Более того, в рамках этого направления развивается тенденция к десемантизации лексемы *формат* и (возможно!) к переходу в статус

производного предлога. Значительная часть исследованных контекстов включает предложно-падежное сочетание *в формате* – 287 текстов, 351 пример (IPM 0,9). Их анализ показал столь же широкий спектр сочетаемости единицы: *Но говорят, что встречи в формате «без галстуков» <...> не получилось*. Т. Нетреба. Украина. Л. Кучма полюбил славянское братство // «Аргументы и факты/Москва», 2001; *Только предупреждаю – никакой эротики в формате поручика Ржевского*. А. Геласимов. Рахиль // «Октябрь», 2003; *Остальные левые, если захотят, будут участвовать в выборах в формате андеграунда*. Р. Фаляхов. Геннадий Зюганов «на троих» не делится // «Газета», 2003; *Философия обучения в течение всей жизни получает продолжение в формате e-life-long-learning*. Н.В. Тихомирова, С.А. Кочерга. Роль и место бизнес-образования в контексте развития информационного общества // «Информационное общество», 2012. *В формате «вроде бы так и надо»*. «Веселуха» на 11 тысяч знаков (2015). Приведенные иллюстрации позволяют предположить, что *в формате* функционирует в значении *в виде чего-либо, как что-либо*. И обнаруживаются контексты, в которых указанные единицы включены как синонимы: *Но проблема окажется решаемой, если согласиться с тем, что чжунхуа миңыцу будет рассматриваться и в формате культурного сообщества, т. е. как культурная нация*. А. Москалев. Доктрина китайской нации // «Проблемы Дальнего Востока», 2002; *Причем речь идет не только и не столько о коммуникациях в формате СМИ, но, в основном, о коммуникациях в виде новых связей...* Н. Покровский. В зеркале глобализации // «Отечественные записки», 2003.

Итак, эта группа значений тоже демонстрирует динамику и тенденцию к десемантизации.

6. Технология

6.1. Технология

В 90-е гг. прошлого века путем семантического калькирования заимствуется еще одно профессиональное значение лексемы из области компьютерных технологий: ...*формат TURBO (режим записи на магнитную ленту, позволяющий существенно сжать программу...)*

А. Щедрин. Commodore, Atari и другие... // «Техника – молодежи», 1991.

6.2. Тип цифровых данных

Развитие этой отрасли и появление новых технологий привели к появлению нового метонимического значения ‘тип данных, обусловленных применением определённой технологии’, оно фиксируется в лексикографических источниках [12–16]: (***формат MS WORD 6.0 и карты с фотографиями в JPG формате***) на сети INTERNET. С. Иванов. Отчет о водном туристском путешествии (1995).

6.3. Модель устройства

Применяемая технология определила появление новых устройств, созданных на ее основе, что получило отражение в появлении нового варианта: На рис. 1 показана плата ***формата CompactPCI***, а на рис. 2 – контроллер SCSI в ***формате PMC-модуля***. Технология сетевого взаимодействия интеллектуальных периферийных контроллеров по системной шине (2001) // «Геоинформатика», 23.08.2001.

Таким образом, функционирование лексемы *формат* показывает наличие значительного спектра незафиксированных в лексикографических источниках вариантов.

Заключение

Подведем итоги проведенного исследования. Лексикографические источники не отражают всего спектра функциональной семантики лексемы *формат*, описывая по преимуществу только специализированные значения, объединенные семами ‘размер’ и ‘технология’.

Однако, по данным НКРЯ, лексема начинает свое функционирование в XVIII в. в узкоспециальном значении ‘размер книги, бумажного изделия’, но к концу XVIII в. появляется в текстах в значении ‘стиль речи, письма’. Оба варианта на протяжении трех веков развиваются:

1) с начала XVIII в. и к первой трети XX в. окончательно формируется система значений, объединенная семой ‘размер’, от которой образуются метафорические варианты оценочного характера с семантическим компонентом ‘значимость’;

2) с конца XVIII в. формируется система значений, объединенная семой ‘стиль, манера’, которая служит основанием для образования группы вариантов с семантическими компонентами ‘способ представления’ и ‘способ организации’, а затем ‘стандарт’. В этом значении лексема *формат* приобретает оценочную семантику и образует антонимическую пару с лексемой *неформат*. При этом обе лексемы меняют грамматическую парадигму, в которой отсутствует форма множественного числа; с начала 2000-х начинает активно функционировать предложно-падежное сочетание *в формате*, которое постепенно десемантизируется и, возможно, в будущем перейдет в статус предлога.

3) в XX в. появляется еще одна подсистема значений, объединенная семантическим компонентом ‘технология’, образованная, вероятно, путем семантического калькирования термина английского языка.

Список источников

1. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина. М. : УРСС, 2004. 285 с.
2. *Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. М. : Просвещение, 1965. Ч. 2. 498 с.
3. *Национальный корпус русского языка.* URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.03.2025).
4. *Михельсон А.Д.* Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М. : Издание И.А. Манухина, 1865. 721 с.
5. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка:* ост. по Энциклопед. слов. Ф. Павленкова с соответствующими сокращениями в объясн. слов и доб. в их числе. СПб. : Ф. Павленков, 1900. 714 с.
6. *Попов М.* Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / сост. по лучшим источникам М. Попов. 3-е изд., с доп. отдела полит., экон. и обществ. терминов, вошедших в употребление в рус. яз. за послед. время. М. : Издание Товарищества И.Д. Сытина, 1907. 136 с.
7. *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи / сост. под ред. А.Н. Чудинова.* СПб. : В.И. Губинский, 1894. 989 с.

8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. 3-е изд., исправленное и значительно дополненное под редакцией [и с предисловием] профессора И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб. ; М. : М.О. Вольф, 1903–1909. Т. 4. 1619 с.
9. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. Т. 4. 1500 стб., [2] с.
10. *Музрукова Т.Г., Нечаева И.В.* Популярный словарь иностранных слов. М. : Азбуковник, 2002. 496 с.
11. *Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний / Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева.* М. : «Азбуковник», 2008. 1040 [1] с.
12. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М. : Эксмо, 2008. 944 с.
13. *Стефанов С.И.* Реклама и полиграфия: опыт словаря-справочника. М. : Гелла-принт, 2004. 320 с.
14. *Большая политехническая энциклопедия / [авт.-сост.: В.Д. Рязанцев].* М. : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2011. 704 с.
15. *ГОСТ Р ИСО/МЭК 2382-23-2004: Информационная технология. Словарь.* Ч. 23. Обработка текста оригинал документа <https://docs.cntd.ru/document/1200038325> (дата обращения 21.06.2025).
16. *БТС: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова.* СПб. : Норинт, 2001. 1536 с.
17. *Искусство.* Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А.П. Горкина. М. : Росмэн, 2007. Ч. 4. 497 с.
18. *Солганик Г.Я.* Формат и жанр как термины // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6. С.22–24.
19. *Десятерик Д.* Альтернативная культура. Энциклопедия. М. : Ультра. Культура. 2005. URL: https://alternative_culture.academic.ru/78/%D0%9D%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82 (дата обращения 07.07.2025).

References

1. Sossyur, F. de. (2004) *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Moscow: URSS.
2. Kartsevskiy, S.O. (1965) Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [On the Asymmetrical Dualism of the Linguistic Sign]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Linguistics of the 19th–20th Centuries in Essays and Extracts]. 3rd Ed. Part 2. Moscow: Prosveshchenie.
3. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/> (Accessed: 21.03.2025).

4. Mikhel'son, A.D. (1865) *Ob"yasnenie 25 000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s oznacheniem ikh korney* [Explanation of 25,000 Foreign Words that have Entered the Russian Language, with Indication of their Roots]. Moscow: Izdanie I.A. Manukhina.
5. Anon. (1900) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka: sost. po Entsikloped. slov. F. Pavlenkova s sootvetstvuyushchimi sokrashcheniyami v ob"yasn. slov i dob. v ikh chisle* [Dictionary of Foreign Words that have Entered the Russian Language: Compiled from F. Pavlenkov's Encyclopedic Dictionary with Corresponding Abbreviations in Explanations and Additions Thereto]. Saint Petersburg: F. Pavlenkov.
6. Popov, M. (1907) *Polnyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke* [Complete Dictionary of Foreign Words that have Entered the Russian Language]. 3rd Ed. Moscow: Izdanie Tovarishchestva I.D. Sytina.
7. Chudinov, A.N. (ed.) (1894) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka: materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaимstvovannykh slov v russ. lit. rechi* [Dictionary of Foreign Words that have Entered the Russian Language: Materials for Lexical Development of Borrowed Words in Russian Literary Speech]. Saint Petersburg: V.I. Gubinskiy.
8. Dal', V.I. (1903–1909) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 3rd Ed. Vol. 4. Saint Petersburg; Moscow: M.O. Vol'f.
9. Ushakov, D.N. (ed.) (1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. Slovarye.
10. Muzyrukova, T.G. & Nechaeva, I.V. (2002) *Populyarnyy slovar' inostrannykh slov* [Popular Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Azbukovnik.
11. Zakharenko, E.N., Komarova, L.N. & Nechaeva, I.V. (2008) *Novyy slovar' inostrannykh slov: 25 000 slov i slovosochetaniy* [New Dictionary of Foreign Words: 25,000 Words and Phrases]. Moscow: "Azbukovnik".
12. Krysin, L.P. (2008) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Eksmo.
13. Stefanov, S.I. (2004) *Reklama i poligrafiya: opyt slovaryaspravochnika* [Advertising and Printing: Experience of a Dictionary-Handbook]. Moscow: Gella-print.
14. Ryazantsev, V.D. (auth.-comp.) (2011) *Bol'shaya politekhnicheskaya entsiklopediya* [Great Polytechnic Encyclopedia]. Moscow: ООО "Izdatel'stvo "Mir i Obrazovanie".
15. GOST R ISO/IEC 2382-23-2004: *Informatsionnaya tekhnologiya. Slovar'. Ch. 23. Obrabotka teksta* [Information Technology. Vocabulary. Part 23. Text Processing]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1200038325> (Accessed: 21.06.2025).

16. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2001) *BTS: Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
17. Rynkin, M. (ed.) (2007) *Iskusstvo. Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Art. Modern Illustrated Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Rosmen.
18. Solganik, G.Ya. (2010) Format i zhanr kak terminy [Format and Genre as Terms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 6. pp. 22–24.
19. Desyaterik, D. (2005) *Al'ternativnaya kul'tura. Entsiklopediya* [Alternative Culture. Encyclopedia]. Moscow: Ul'tra. Kul'tura. [Online] Available from: https://alternative_culture.academic.ru/78/%D0%9D%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82 (Accessed: 07.07.2025).

Сведения об авторе:

Мишанкина Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mishankina@ido.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Natalya A. Mishankina, Dr. Sci. (Philology), full professor, professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: mishankina@ido.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.06.2025;
одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 11.11.2025*

*The article was submitted 23.06.2025;
approved after reviewing 29.10.2025; accepted for publication 11.11.2025*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит четыре раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – С.С. Земичева.

E-mail: lexikograph2020@yandex.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2025. № 38

Редактор Е.В. Иванова

Редактор-переводчик В.В. Каптур

Оригинал-макет Е.В. Ивановой

Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 18.12.2025 г. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 6,86. Цена свободная.

Тираж 50 экз. Заказ № 6587.

Дата выхода в свет 28.01.2026 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании

Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. +7 (382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>, e-mail: rio.tsu@mail.ru